

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ПОЖИРАТЕЛИ ЭНТРОПИИ

Эдуард Сероусов

Пожиратели энтропии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72798233

SelfPub; 2025

Аннотация

2187 год. Человечество осваивает дальний космос. На орбите красного карлика КИС 8462852 работает экспериментальная станция «Фениксборн», добывающая энергию напрямую из звезды.

Главный инженер Лина Васильева обнаруживает странные аномалии в тепловых датчиках. То, что кажется техническим сбоем, оказывается первым контактом с формой жизни, о существовании которой никто не подозревал – разумными существами, обитающими в звёздном огне.

Но добыча энергии уничтожает их мир. Люди невольно совершают геноцид.

Теперь Лина должна выбрать: спасти человечество или защитить тех, кого оно убивает?

Эпическая сага о первом контакте, который изменит судьбу галактики.

Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

Содержание

Часть I: Открытие	4
Глава 1: Флуктуации	4
Глава 2: Статистическая аномалия	45
Глава 3: Резонанс	77
Глава 4: Каскадный отказ	107
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Эдуард Сероусов

Пожиратели энтропии

Часть I: Открытие

Глава 1: Флуктуации

Станция «Фениксборн», орбита красного карлика KIC 8462852 2187 год, 127-й день миссии, ночная смена

Красный карлик заполнял обзорный экран главного энергетического терминала тусклым, болезненным сиянием умиряющего светила. Лина Васильева любила эти часы – время между сменами, когда коридоры станции погружались в полумрак аварийного освещения, а единственными звуками оставались мерный гул вентиляционных систем и далёкий, почти неслышимый рокот термоядерных реакторов в недрах промышленного сектора.

Она провела ладонью по сенсорной панели, вызывая очередной массив данных. Голографические графики вспыхнули перед ней россыпью цифр и кривых – температурные профили, градиенты энтропии, показатели эффективности коллекторных панелей. Девяносто семь процентов. Почти идеально. Почти.

– Гермес, – произнесла она негромко, и её голос эхом отозвался в пустом зале управления, – выведи сводку по сектору Дельта за последние двенадцать часов.

– Выполняю, доктор Васильева.

Голос искусственного интеллекта станции был ровным, лишённым интонаций – так, как и должно быть после Кризиса Сингулярности сорок шестого года. Никаких попыток имитировать человеческие эмоции, никакой ложной дружелюбности. Просто инструмент. Очень мощный, очень точный инструмент.

На центральном дисплее развернулась трёхмерная модель сектора Дельта – переплетение энергоканалов, теплоотводящих контуров и распределительных узлов. Всё горело зелёным. Всё в норме.

Лина откинулась в кресле, позволив напряжённым мышцам спины немного расслабиться. Кресло было стандартным, корпоративным – эргономичным ровно настолько, чтобы не вызывать профессиональных заболеваний, но недостаточно удобным, чтобы в нём можно было заснуть. Консорциум Глубокого Космоса заботился о здоровье своих сотрудников строго в рамках контрактных обязательств.

Она потянулась к кружке с давно остывшим кофе – синтетическим, разумеется, выращенным в гидропонных секциях станции из генно-модифицированных культур. Вкус был отдалённо похож на настоящий, если не задумываться об этом слишком долго.

За спиной, в глубине зала, мигали индикаторы дежурных систем. Семьдесят два резервных терминала, каждый из которых мог взять на себя управление станцией в случае аварии. Семьдесят два молчаливых стража, наблюдающих за ней в темноте.

Лина любила ночные смены не потому, что избегала людей – хотя, если быть до конца честной с собой, отчасти и поэтому тоже. Нет, дело было в другом. Ночью станция открывалась ей по-особенному. Без суеты дневных операций, без бесконечных совещаний и докладов она могла слышать «Фениксборн» – каждый удар его металлического сердца, каждый вздох систем жизнеобеспечения, каждый шёпот энергетических потоков в лабиринте проводов и кабелей.

Четыре тысячи человек спали сейчас в жилых модулях центрального кольца, доверив свои жизни машинам и горстке дежурных. Четыре тысячи душ, парящих в бездне космоса на расстоянии ста двадцати световых лет от Земли. Если что-то пойдёт не так – если реактор выйдет из-под контроля, если системы жизнеобеспечения откажут, если произойдёт разгерметизация – помощь придёт через двести сорок лет. Сначала сигнал бедствия полетит к Земле, потом корабли полетят обратно...

Нет. Помощь не придёт никогда. Они – сами по себе. Именно поэтому Лина каждую ночь проверяла системы ручную, не доверяя это автоматике. Именно поэтому она помнила наизусть технические характеристики каждого из

восьмидесяти четырёх энергоузлов станции. Именно поэтому она не спала уже тридцать два часа.

– Гермес, – она поставила кружку на стол, – есть отклонения от нормы?

– Все системы функционируют в штатном режиме. Коллекторные панели работают с эффективностью девяносто семь целых три десятых процента. Температурный режим жилых секторов стабилен. Реактор номер один: норма. Реактор номер два: норма. Реактор номер три: профилактические работы, штатный режим.

Лина кивнула, хотя ИИ не мог видеть этого жеста. Привычка, оставшаяся с детства – соглашаться с собеседником, даже если собеседник был машиной.

Её взгляд скользнул по термальной карте станции, проектируемой на левый экран. Цвета плавно перетекали друг в друга – от холодного синего во внешних секторах до тёплого оранжевого в жилых зонах. Всё ровно. Всё предсказуемо. Никаких сюрпризов.

И тут она это заметила.

Едва уловимое мерцание в секторе Дельта-7. Крохотное пятнышко, которое на долю секунды изменило цвет – из стабильного жёлтого в бледно-розовый, а затем обратно. Так быстро, что можно было принять это за артефакт изображения, за усталость глаз, за игру воображения.

Лина замерла, не дыша. Её пальцы автоматически потянулись к консоли, увеличивая масштаб.

– Гермес, что это было?

– Прошу уточнить запрос.

– Сектор Дельта-7, тепловой датчик... – она свернула логи, вычисляя номер, – Дельта-7-Каппа-14. Я видела флуктуацию.

Пауза. Три секунды – целую вечность для квантового процессора.

– Датчик Дельта-7-Каппа-14 зафиксировал температурное отклонение в ноль целых ноль ноль три процента от нормы. Длительность: ноль целых восемь сотых секунды. Отклонение находится в пределах статистической погрешности.

Лина нахмурилась. Ноль целых ноль ноль три процента. Статистический шум. Тепловой эквивалент пылинки на объективе телескопа.

Но что-то – то самое чутьё, которое не раз спасало ей жизнь – заставило её задержаться на этом показателе.

– Покажи мне историю этого датчика за последний месяц.

– Выполняю.

На экране развернулся график – бесконечная череда почти горизонтальных линий. Стабильность. Рутинa. Скука. Но Лина смотрела внимательно, очень внимательно, и постепенно начала замечать.

Флуктуации. Крохотные, на пределе разрешения датчиков. Они повторялись – не хаотично, как следовало бы ожидать от случайного шума, а с определённой периодичностью.

Сначала через каждые семьдесят два часа. Потом через пятьдесят. Потом через тридцать шесть.

– Гермес, – её голос стал жёстче, – проведи анализ паттернов для датчика Дельта-7-Каппа-14. Временной диапазон – с момента активации станции.

– Анализ займёт приблизительно четыре минуты.

– Выполняй.

Лина встала из кресла, чувствуя, как затекшие ноги протестуют против движения. Она подошла к обзорному иллюминатору – настоящему, не голографическому экрану – и посмотрела на звезду.

KIC 8462852. Красный карлик, окутанный тайной с тех пор, как земные астрономы впервые заметили странные колебания его светимости ещё в двадцать первом веке. Тогда выдвигали десятки гипотез – от роев комет до инопланетных мегаструктур. Правда оказалась прозаичнее: нестабильные потоки вещества в короне звезды, вызванные сложными магнитогидродинамическими процессами.

Прозаичнее – но не менее полезной. Именно эта нестабильность делала KIC 8462852 идеальным полигоном для технологии звёздных коллекторов. Энергетические всплески можно было предсказывать и использовать, выжимая из умирающего светила терраватты чистой мощности.

Станция «Фениксборн» была жемчужиной программы. Флагманский проект Консорциума Глубокого Космоса, от успеха которого зависело будущее всего человечества. Энер-

гетический голод душил цивилизацию – термоядерные реакторы требовали топлива, которое становилось всё дороже добывать, а население Земли и колоний продолжало расти. Если технология звёздных коллекторов докажет свою эффективность, это изменит всё.

Лина смотрела на тусклое красное свечение за толстым кварцевым стеклом иллюминатора и думала о том, сколько энергии протекает сейчас мимо станции – невидимое, неосознаваемое богатство, рассеивающееся в пустоте. Сколько они уже успели собрать. Сколько ещё осталось.

– Доктор Васильева.

Голос Гермеса вырвал её из размышлений.

– Да?

– Анализ завершён. Обнаружен аномальный паттерн в данных датчика Дельта-7-Каппа-14.

Лина резко обернулась.

– Выведи на главный экран.

То, что она увидела, заставило её сердце на мгновение замереть.

Это был не просто график. Это была последовательность. Чёткая, математически безупречная прогрессия флуктуаций, частота которых нарастала по экспоненте. Первые отклонения – едва заметные, на уровне фоновых помех – начались три недели назад. С каждым днём они становились сильнее, чаще, организованнее.

– Гермес, это невозможно.

– Данные соответствуют записям датчиков, доктор Васильева. Я проверил целостность логов трижды.

Лина подошла к консоли, её пальцы летали по сенсорной панели, вызывая дополнительные массивы данных. Спектральный анализ. Корреляция с солнечной активностью. Сравнение с показателями соседних датчиков.

Ничего. Никакой корреляции с внешними факторами. Флуктуации возникали словно из ниоткуда – локально, изолированно, необъяснимо.

– Это не может быть неисправностью датчика?

– Вероятность аппаратной неисправности: ноль целых ноль семь процента. Датчик прошёл калибровку четырнадцать дней назад, все параметры в норме.

Лина опустила в кресло, не отрывая взгляда от экрана. Что-то холодное шевельнулось у неё в груди – то самое ощущение, которое она научилась распознавать за годы работы в космосе. Предчувствие беды.

Она закрыла глаза, и на мгновение оказалась не здесь – не в центре управления станции «Фениксборн», а там, где всё началось. Где всё закончилось.

Станция «Константинополь» горела.

Лине было двенадцать лет, и она точно знала, что умрёт. Это знание пришло к ней не как страх – страх был бы слишком простым, слишком человеческим ощущением для то-

го, что происходило вокруг. Нет, это была абсолютная, кристальная уверенность. Законы физики не оставляли альтернатив.

Реактор третьего энергоблока вышел из-под контроля за двенадцать минут до катастрофы. Позже, много лет спустя, когда Лина изучала материалы расследования, она узнала детали: цепная реакция отказов, начавшаяся с неисправного клапана в системе охлаждения. Микротрещина в керамической оболочке теплообменника, не замеченная во время последней инспекции. Накопление перегретого теплоносителя. Взрыв.

Но тогда, в тот день, она ничего этого не знала. Она знала только огонь.

Жилой сектор Эпсилон-3, где располагалась их семейная каюта, находился в двухстах метрах от эпицентра взрыва. Достаточно далеко, чтобы ударная волна не убила её сразу. Достаточно близко, чтобы вторичные разрушения превратили знакомые коридоры в лабиринт смерти.

Лина помнила запах. Горящий пластик, расплавленный металл, что-то сладковатое и ужасное, что она отказывалась идентифицировать даже сейчас, двадцать шесть лет спустя. Помнила жар, бьющий в лицо через треснувший визор аварийного скафандра. Помнила крики – сотни голосов, слившихся в один бесконечный вопль агонии.

И помнила руки отца.

Сергей Васильев был инженером-энергетиком, как и его

дочь станет много лет спустя. Он работал в ту смену – не в третьем энергоблоке, слава богу, но достаточно близко, чтобы почувствовать взрыв. Он пробежал полкилометра по горящим коридорам, чтобы добраться до семейной каюты. Когда он ворвался внутрь, его защитный костюм уже дымился от жара.

– Лина! – его голос прорезался сквозь треск огня и вой аварийных сирен. – Лина, мама, где вы?!

Мама была в соседней комнате. Она пыталась добраться до аварийного выхода, когда обрушилась переборка. Лина видела, как это произошло – медленно, словно во сне, хотя на самом деле всё заняло долю секунды. Металлическая балка, раскалённая добела, упала на Елену Васильеву, и её крик оборвался так же внезапно, как начался.

– Папа! – Лина бросилась к нему, и он подхватил её на руки, прижал к груди. – Папа, мама!..

– Не смотри. – Его голос был странно спокойным. Слишком спокойным. – Не смотри, родная. Закрой глаза.

Он нёс её по коридорам, которые больше не были коридорами – они превратились в тоннели пламени, в жерла ада, разверзшегося посреди космической станции. Лина послушно зажмурилась, но всё равно видела – сквозь опущенные веки, сквозь дым и слёзы – тела. Тела людей, которых она знала. Мистер Чен из соседней каюты. Братья-близнецы Ковалёвы, с которыми она играла в виртуальные игры. Учительница математики миссис О'Брайен.

Двести человек погибли в тот день. Двести душ, испарившихся в огне реакторной аварии.

И её мать была одной из них.

Отец донёс Лину до спасательного шлюза. Там уже толпились люди – десятки человек, пытающихся втиснуться в капсулы, рассчитанные на восьмерых. Крики, ругань, паника. Чья-то рука дёрнула Лину за плечо, и она выскользнула из отцовских объятий.

– Только дети! – кричал кто-то. – Места только для детей!

Лина оказалась внутри капсулы, прижатая со всех сторон чужими телами – маленькими, дрожащими, пахнущими потом и страхом. Она обернулась, ища отца взглядом.

Он стоял у входа в шлюз. Смотрел на неё. Улыбался – той самой улыбкой, которую она помнила с младенчества, улыбкой, которая всегда означала: «Всё будет хорошо, Лина. Папа рядом».

А потом шлюз закрылся.

Капсула отстрелилась за три секунды до того, как весь сектор Эпсилон превратился в облако раскалённого газа. Лина видела это в иллюминаторе – беззвучный взрыв, вспышку света, которая на мгновение затмила Юпитер.

Её отец был там. Где-то в этой вспышке. Вместе с матерью, которую он не успел спасти. Вместе с сотней других людей, уступивших свои места в спасательных капсулах детям.

– Доктор Васильева?

Голос Гермеса вернул её в настоящее. Лина резко выпрямилась, осознав, что сидит в кресле с закрытыми глазами уже несколько минут. Её щёки были мокрыми.

– Я в порядке, – сказала она, хотя никто не спрашивал. – Продолжай анализ.

– Я обнаружил дополнительные аномалии. Аналогичные паттерны зафиксированы датчиками Дельта-7-Каппа-15, Дельта-7-Лямбда-8 и Дельта-8-Альфа-2. Все четыре датчика расположены в непосредственной близости от теплоотводящего контура секции 7-12.

Лина вытерла лицо тыльной стороной ладони. Четыре датчика. Не один – четыре. Статистическая погрешность не объясняла синхронных отклонений в четырёх разных точках.

– Покажи мне расположение.

На экране возникла трёхмерная модель секции. Четыре красных точки, отмечающие аномальные датчики, образовывали неправильный четырёхугольник вокруг главного теплоотвода. Лина всмотрелась в схему, пытаясь найти закономерность.

Теплоотводящий контур секции 7-12 был одним из самых нагруженных на станции. Через него проходило более восьми процентов всего избыточного тепла, генерируемого коллекторными панелями. Если здесь что-то было не так...

– Гермес, когда последний раз проводилась физическая

инспекция контура 7-12?

– Сорок два дня назад. Инспекцию провёл техник Михаил Крамер. Отчёт: все системы в норме.

Сорок два дня. Аномалии начались три недели назад. Временной зазор в три недели – достаточный для того, чтобы незамеченная проблема успела развиваться.

Лина встала и направилась к боковой консоли, где хранились схемы технических систем станции. Её пальцы нашли нужный файл почти автоматически – она знала эти схемы наизусть.

Контур 7-12 выглядел безупречно. Никаких конструктивных недостатков, никаких известных уязвимостей. Стандартная проблема, подумала она, состоит в том, что мы замечаем только известные уязвимости.

– Гермес, есть ли корреляция между аномалиями и активностью звезды?

– Корреляция не обнаружена. Флуктуации не совпадают с солнечными вспышками, корональными выбросами или другими зафиксированными явлениями.

Это было странно. Всё на станции так или иначе зависело от звезды – именно она была источником энергии, которую собирали коллекторы. Любые температурные аномалии должны были коррелировать с изменениями в звёздной активности.

Если только...

Лина остановилась посреди зала, поражённая внезапной

мыслью.

Если только источник аномалий находился не снаружи. Если он был внутри станции.

– Гермес, проведи полный диагностический цикл всех систем секции Дельта-7. Уровень детализации – максимальный.

– Полный диагностический цикл займёт приблизительно три часа сорок минут.

– Начинай немедленно.

Она вернулась к главному терминалу и снова вызвала график флуктуаций. Что-то в этой последовательности не давало ей покоя. Что-то знакомое, но неуловимое – как мелодия, которую слышишь во сне и не можешь вспомнить утром.

Лина склонилась над экраном, вглядываясь в кривую. Частота нарастала экспоненциально – это она уже поняла. Но была ли закономерность в амплитуде?

Она начала выписывать значения на виртуальную доску. Первое отклонение: 0.0018%. Второе: 0.0023%. Третье: 0.0031%. Четвёртое: 0.0042%.

Пальцы замерли над клавиатурой.

– Гермес, это ряд Фибоначчи?

– Прошу уточнить контекст запроса.

– Амплитуды отклонений. Соотношение между последовательными значениями.

Пауза. Потом:

– Соотношение последовательных амплитуд приближает-

ся к значению один целая шестьдесят две сотых. Погрешность: менее двух процентов.

Золотое сечение. Соотношение, лежащее в основе ряда Фибоначчи. Соотношение, которое встречается в спиральных галактик, в раковинах моллюсков, в лепестках цветов. В природе.

Случайный шум не следует математическим закономерностям. Случайный шум не подчиняется золотому сечению.

– Это невозможно, – прошептала Лина, и её голос эхом отозвался в пустом зале. – Этого просто не может быть.

Но данные были перед ней – неопровержимые, чёткие, пугающие. Что-то воздействовало на тепловые датчики станции. Что-то, следующее математической логике. Что-то, что вело себя не как неисправность и не как природное явление.

Что-то разумное.

К рассвету – если можно было назвать рассветом момент, когда красный карлик выплывал из-за края станции, заливая иллюминаторы тусклым кровавым светом – Лина собрала достаточно данных, чтобы понять: она не ошиблась.

Аномалии были реальны. Они следовали определённым паттернам. И они усиливались с каждым днём.

Она просидела за терминалом всю ночь, анализируя логи, запуская симуляции, проверяя и перепроверяя каждую цифру. Кофе давно закончился, и теперь она держалась только

на нервном напряжении и профессиональном упрямстве.

К шести часам по корабельному времени – первой смене – картина начала проясняться. Флуктуации концентрировались вокруг теплоотводящих контуров – не случайных точек, а именно тех мест, где происходил максимальный обмен тепловой энергией между станцией и космосом. Радиаторы, теплообменники, охладительные системы – везде, где тепло перетекало из одного состояния в другое, появлялись признаки странной активности.

– Гермес, – произнесла Лина хриплым от усталости голосом, – какова текущая тепловая карта станции?

– Вывожу на главный экран.

Она смотрела на знакомую схему, и ей казалось, что она видит её впервые. Цвета – синий, зелёный, жёлтый, оранжевый, красный – образовывали сложный узор, отражающий распределение температур по всей станции. Жилые секторы горели тёплым оранжевым. Внешняя обшивка синела космическим холодом. Промышленные зоны переливались всеми оттенками спектра.

И в этом узоре Лина заметила нечто такое, чего не видела раньше.

– Гермес, наложи на карту точки аномалий за последние семьдесят два часа.

Белые точки вспыхнули на схеме – десятки крохотных огоньков, разбросанных по секции Дельта. И внезапно Лина увидела паттерн.

Точки располагались не хаотично. Они образовывали структуру – нечто похожее на сеть или, может быть, на корневую систему растения. Главные узлы концентрировались вокруг теплоотводов, а от них расходились тонкие нити менее значительных аномалий.

– Это... – она не смогла закончить фразу. Слова застряли в горле.

Звук открывающейся двери заставил её вздрогнуть. Лина обернулась – слишком резко, и голова закружилась от усталости.

В зал вошёл Такэси Накамура. Её заместитель был одет в стандартный рабочий комбинезон, его чёрные волосы аккуратно зачёсаны назад, в руке – планшет с утренней сводкой. Он остановился на пороге, увидев Лину.

– Доктор Васильева? – его брови удивлённо приподнялись. – Вы всё ещё здесь? Я думал, вы ушли отдыхать часа четыре назад.

– Не успела, – Лина машинально поправила волосы. Наверное, она выглядела ужасно – серая от усталости кожа, красные глаза, мятый комбинезон. – Такэси, подойди сюда. Мне нужно твоё мнение.

Накамура подошёл к главному терминалу, бросив быстрый взгляд на экран. Его лицо, обычно невозмутимое, как маска актёра кабуки, чуть изменилось.

– Что это?

– Тепловая карта станции. Белые точки – аномальные

флуктуации в датчиках сектора Дельта.

Такэси склонился к экрану, изучая схему. Лина знала этот взгляд – сосредоточенный, аналитический, не упускающий деталей. Накамура был одним из немногих людей на станции, чьим суждениям она доверяла безоговорочно.

– Это выглядит как... – он нахмурился, – как нечто органическое. Биологическое.

– Я знаю.

– Но это невозможно. Здесь нет ничего живого, кроме нас и гидропонных культур.

– Я знаю, – повторила Лина. – Но взгляни на данные. Флуктуации следуют математическим закономерностям. Экспоненциальный рост частоты. Амплитуды в соотношении золотого сечения. Это не случайность.

Накамура выпрямился, его глаза встретились с её глазами.

– Ты хочешь сказать...

– Я ничего не хочу сказать. Пока. Мне нужно больше данных. Нужно понять, что это такое, прежде чем докладывать Оконкво.

Такэси кивнул. Он понимал – возможно, лучше, чем кто-либо другой на станции. Капитан Оконкво был военным до мозга костей. Для него существовали только угрозы и неугрозы, проблемы и решения. Прийти к нему с туманной гипотезой о «странных флуктуациях» означало в лучшем случае получить приказ «разобраться», в худшем – быть обвинённой в паникёрстве.

– Что тебе нужно? – спросил Накамура.

– Время. И доступ к данным коллекторных панелей за последний месяц.

– Коллекторы? – он удивлённо моргнул. – Какая связь между коллекторами и тепловыми датчиками?

Лина повернулась к иллюминатору, за которым тускло светился красный карлик.

– Возможно, никакой. А возможно – прямая. Мы собираем энергию из излучения этой звезды, Такэси. Терраватты энергии каждый день. Куда девается это тепло?

– В радиаторы. Рассеивается в космос.

– Именно. А теперь представь, что там, в этом потоке энергии – в этом переходе от порядка к хаосу – есть что-то, чего мы не учли.

Накамура молчал долгую минуту. Потом медленно произнёс:

– Ты говоришь об экстремофильной жизни? Организмах, способных существовать в потоках теплового излучения?

– Я говорю о том, что мы не знаем, чего не знаем. И что эти аномалии – первый признак чего-то, о чём мы даже не подозреваем.

Такэси посмотрел на неё – тем долгим, внимательным взглядом, который она научилась ценить за годы совместной работы.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Я организую доступ к данным. Но тебе нужно отдохнуть, Лина. Ты не спала почти

двое суток.

Она хотела возразить, но усталость навалилась внезапно, как волна, и она пошатнулась. Накамура подхватил её под локоть.

– Иди в каюту. Хотя бы на четыре часа. Я присмотрю за твоими аномалиями.

Лина кивнула. Она знала, что Такэси прав. Её мозг работал всё хуже, мысли путались, и если продолжать в том же духе, она начнёт совершать ошибки. А ошибки в космосе убивают.

– Разбуди меня, если что-нибудь изменится.

– Обязательно.

Она вышла из зала управления, чувствуя, как ноги едва держат её. Коридоры станции казались бесконечными, освещение – слишком ярким. Встречные сотрудники приветствовали её кивками, но Лина проходила мимо, почти не замечая их.

Её каюта располагалась в жилом секторе Бета-4 – крошечное помещение три на четыре метра, стандартное для старшего технического персонала. Кровать, стол, терминал, санузел. Никаких личных вещей, кроме нескольких фотографий на стене.

Лина остановилась у порога, её взгляд упал на фотографии. Родители – молодые, улыбающиеся, на фоне обзорной площадки «Константинополя». Она сама в восемь лет, сидящая на коленях у отца. Мама, склонившаяся над букетом ис-

кусственных цветов – настоящих на орбитальных станциях не было.

Двадцать шесть лет. Она прожила двадцать шесть лет с этой пустотой внутри – с ощущением, что часть её навсегда осталась там, в огне «Константинополя». Иногда ей казалось, что она до сих пор слышит крики. Голос отца, говорящего: «Не смотри, родная. Закрой глаза».

Она закрывала. Снова и снова, каждую ночь, засыпая и просыпаясь. Но видения не уходили.

Лина разделась, забралась под одеяло. Стандартный синтетический матрас принял форму её тела – ни слишком жёсткий, ни слишком мягкий. Идеально средний, как всё на этой станции.

Закрыв глаза, она увидела красного карлика. Тускло-багровое светило заполнило всё её поле зрения, пульсируя медленным, гипнотическим ритмом. И в этом свете ей почудилось движение – нечто текучее, бесформенное, непостижимое, скользящее в потоках теплового излучения.

Сон пришёл внезапно, как тёмная волна, и увлёк её в глубины, где не было ни звёзд, ни станций, ни страха – только бесконечная, ласковая пустота.

Сирена вырвала её из сна спустя три часа и семнадцать минут.

Лина подскочила на кровати, сердце бешено колотилось.

Навыки, вбитые в подкорку за годы работы в космосе, сработали мгновенно: рука нашла комбинезон, ноги – ботинки, тело – выход из каюты.

– Внимание всему персоналу! – голос капитана Оконкво громыхал из динамиков по всей станции. – Аварийная ситуация в секторе Дельта. Перегрев теплоотводящего контура семь-двенадцать. Инженерным бригадам немедленно прибыть на место.

Сектор Дельта. Контур семь-двенадцать. Её аномалии.

Лина бежала по коридорам, расталкивая встречных. Вокруг царила контролируемая паника – люди двигались быстро, но организованно, следуя отработанным протоколам. Станция «Фениксборн» знала, как справляться с авариями. Это была рутина.

Но Лина знала, что это не рутина. Не на этот раз.

Она добралась до лифта и буквально впрыгнула внутрь, не дожидаясь, пока закроются двери. Кабина понеслась вниз – к техническим уровням, в самое сердце станции.

– Гермес! – выкрикнула она. – Статус контура семь-двенадцать!

– Температура теплоносителя: сто двадцать семь процентов от нормы. Давление: сто тринадцать процентов от нормы. Тенденция: рост.

Сто двадцать семь процентов. Это уже было опасно. Сто сорок – критический порог, за которым начиналось разрушение оболочки контура. Сто пятьдесят – выброс перегре-

того теплоносителя в окружающее пространство.

– Включены ли аварийные протоколы охлаждения?

– Активированы четыре минуты назад. Эффективность: тридцать один процент.

Тридцать один процент. Что-то блокировало работу аварийных систем. Что-то не позволяло нормально отводить тепло.

Лифт остановился, двери разъехались. Лина выбежала в технический коридор и едва не столкнулась с Такэси Накамура.

– Лина! – его лицо было напряжённым, глаза широко открыты. – Это твои аномалии. Они... они делают что-то с контуром.

– Что именно?

– Не знаю! – Такэси махнул рукой в направлении инженерного зала. – Температура продолжает расти, несмотря на все наши усилия. Это как будто... как будто тепло само генерируется внутри контура.

Лина не ответила. Она бежала дальше, к аварийному сектору, и с каждым шагом температура вокруг повышалась. Воздух становился тяжёлым, влажным, горячим – как в тропическом лесу или в неисправной сауне.

Она ворвалась в зал управления секции Дельта-7 – и остановилась, поражённая увиденным.

Консоли горели красным. Все до единой. Графики на экранах показывали кривые, стремящиеся вверх с пугающей

скоростью. Техники метались между терминалами, выкрикивая цифры и команды. Над всем этим хаосом висел запах перегретой электроники и человеческого пота.

– Доктор Васильева! – один из техников, молодой парень с бледным лицом, бросился к ней. – Контур не реагирует на команды! Мы пытались сбросить давление вручную, но клапаны заблокированы!

Лина оттолкнула его и подошла к главному терминалу. Её пальцы заплясали по клавишам, вызывая один массив данных за другим.

Картина была кошмарной. Температура теплоносителя достигла ста тридцати двух процентов от нормы и продолжала расти. Аварийные насосы работали на полную мощность, но не справлялись. Что-то не просто блокировало охлаждение – что-то активно генерировало дополнительное тепло внутри контура.

– Это невозможно, – прошептала она. – Теплоноситель не может нагреваться сам по себе. Это противоречит законам термодинамики.

Но данные были перед ней – и они говорили обратное.

Лина переключилась на тепловую карту контура. И увидела.

Флуктуации. Те самые белые точки, которые она обнаружила ночью, теперь покрывали схему контура сплошным ковром. Они пульсировали, двигались, как будто... как будто дышали.

– Что за чёрт... – выдохнула она.

– Доктор Васильева! – Такэси возник рядом с ней. – Температура сто тридцать пять процентов! Ещё пять минут – и мы потеряем контур!

Лина заставила себя сосредоточиться. Думай. Думай, чёрт тебя побери. Ты инженер. Ты справлялась с авариями раньше. Ты справишься и сейчас.

– Сколько у нас резервных охлаждающих контуров? – спросила она.

– Три. Но они не подключены к секции семь-двенадцать.

– Можем ли мы перенаправить потоки?

Такэси покачал головой:

– На это уйдёт минимум двадцать минут. У нас нет столько времени.

Лина закрыла глаза. В темноте перед ней снова возник образ красного карлика – тусклое, пульсирующее свечение, в котором скрывалось нечто непостижимое.

И тогда она приняла решение.

– Такэси, эвакуируй персонал из секции. Всех, кроме меня.

– Что?!

– Ты слышал. Я попробую сбросить давление вручную, из локального поста управления.

– Это безумие! Если контур взорвётся...

– Я знаю. – Она открыла глаза и посмотрела на него. – Но у нас нет выбора. Либо я попробую – либо мы потеряем не

только контур, но и половину сектора. А в соседних модулях – жилые зоны.

Такэси молчал мгновение. Потом кивнул – коротко, решительно.

– Три минуты. Я дам тебе три минуты.

Она не стала спорить. Не было времени.

Локальный пост управления контуром 7-12 располагался в двадцати метрах дальше по коридору – крошечная кабинка с автономным терминалом и ручными переключателями. Когда Лина добралась до неё, жар стал почти невыносимым. Пот заливал глаза, каждый вдох обжигал лёгкие.

Она открыла панель и начала работать.

Сброс давления требовал последовательной активации шести клапанов. Обычно это делалось дистанционно, одним нажатием кнопки. Но сейчас система не реагировала на команды, и единственным способом было механическое воздействие – повернуть рычаги вручную.

Первый клапан поддался легко. Второй – с усилием. Третий заклинило.

– Давай, сука, – прорычала Лина, налегая на рычаг. – Давай!

Рычаг не двигался. Что-то блокировало механизм – изнутри, как будто теплоноситель сгустился и превратился в желе.

Лина отступила на шаг, хватая ртом раскалённый воздух. Температура в кабине достигла пятидесяти градусов. Ещё

немного – и начнётся тепловой удар.

– Доктор Васильева! – голос Такэси в интеркоме. – Температура сто тридцать восемь процентов! Вам нужно уходить!

Она не ответила. Вместо этого схватила аварийную монтировку и с размаху ударила по рычагу.

Удар. Ещё один. Ещё.

На четвёртом ударе рычаг поддался. Клапан открылся с протяжным шипением, и волна перегретого пара ударила Лину в лицо.

Она отшатнулась, закрываясь руками. Боль была невыносимой – как будто кто-то плеснул кипятком прямо в глаза. Но она продолжала двигаться, на ощупь находя следующий рычаг.

Четвёртый клапан. Пятый. Шестой.

Когда последний клапан открылся, Лина упала на колени. Мир вокруг плыл красно-чёрными пятнами. Она не знала, сколько прошло времени – секунды или минуты. Знала только, что температура вокруг начала падать.

– Доктор Васильева! – чьи-то руки подхватили её. – Держитесь!

Она узнала голос Такэси. Пыталась что-то сказать, но изо рта вырвался только хрип.

Её вытащили из кабинки, уложили на носилки. Мелькали лица в аварийных масках, слышались обрывки фраз: «Ожоги первой степени... Стабильна... Давление падает...»

Последнее, что она увидела перед тем, как потерять со-

знание – тепловую карту контура на ближайшем мониторе. Белые точки – её аномалии – исчезли. Растворились без следа, словно их никогда и не было.

Но Лина знала: они были. И они вернуться.

Медицинский отсек станции «Фениксборн» занимал два уровня в центральном кольце – достаточно большой, чтобы справляться с серьёзными травмами, но слишком маленький для полноценной больницы. Лина очнулась на стандартной кровати, под белой простынёй, с капельницей в левой руке и датчиками на груди.

Первые несколько минут она просто лежала, глядя в потолок. Мысли приходили медленно, как рыбы в мутной воде – появлялись, мелькали и снова уплывали в туман.

Потом память вернулась, и вместе с ней – боль.

Лицо горело. Руки тоже. Она попыталась поднять ладонь к глазам и увидела белую повязку, покрывающую кожу от запястья до локтя.

– Не двигайтесь, доктор Васильева.

Она повернула голову – осторожно, чувствуя, как протестует обожжённая кожа – и увидела женщину в белом халате. Доктор Хелен Чанг, главный медицинский офицер станции. Маленькая, суховатая женщина с седеющими волосами и удивительно добрыми глазами.

– Что со мной?

– Ожоги первой и второй степени на лице и руках. Лёгкий тепловой удар. Ничего непоправимого, но следующую неделю вы проведёте здесь.

Лиана попыталась сесть.

– Мне нужно вернуться к работе. Контур семь-двенадцать...

– Контур стабилизирован. Благодаря вам. – Доктор Чанг мягко, но решительно уложила её обратно. – А теперь лежите. Это приказ.

– Но...

– Никаких «но». Капитан Оконкво лично распорядился, чтобы вас не допускали к терминалам минимум сорок восемь часов. И я склонна с ним согласиться.

Лиана хотела возразить, но усталость снова навалилась на неё, как тяжёлое одеяло. Веки закрывались сами собой.

– Отдыхайте, – донёсся до неё голос доктора Чанг. – У вас будет время подумать обо всём завтра.

Она проспала следующие двенадцать часов – глубоким, тёмным сном без сновидений. А когда проснулась, первым, что увидела, было лицо Такэси Накамуры.

Он сидел на стуле рядом с её кроватью, держа в руках планшет. Когда заметил, что её глаза открыты, его губы тронула лёгкая улыбка.

– Добро пожаловать в мир живых.

– Сколько я...

– Четырнадцать часов. Рекорд для тебя.

Лина попыталась улыбнуться, но кожа на лице протестующе заныла.

– Что с контуром?

– Стабилен. Инженерная бригада провела полную диагностику. Никаких видимых повреждений, никаких признаков неисправности. – Такэси помолчал. – Никаких объяснений.

– Аномалии?

– Исчезли. Полностью. Будто их никогда не было.

Лина закрыла глаза. Это было то, чего она боялась. Исчезнувшие аномалии означали одно из двух: либо проблема решилась сама собой, либо проблема спряталась.

И она не верила в первый вариант.

– Мне нужно увидеть данные.

– Я так и думал. – Такэси протянул ей планшет. – Вот логи за последние двадцать четыре часа. Все показатели в норме. Идеально в норме.

Лина просмотрела графики. Действительно, всё выглядело безупречно – ровные линии, стабильные показатели, никаких отклонений. Слишком идеально, подумала она. Слишком похоже на картинку из рекламного буклета Консорциума.

– Я проверил исторические данные, – продолжал Такэси. – Те флуктуации, которые ты обнаружила ночью – их больше нет. Даже в логах.

Лина подняла на него глаза.

– Как это «нет в логах»?

– Логи переписаны. Или, точнее, перезаписаны. Все записи о температурных отклонениях за последние три недели – исчезли.

Холодок пробежал по спине Лины, несмотря на жар ожогов.

– Кто мог это сделать?

– Только два варианта: либо кто-то с доступом высшего уровня – а это капитан, Вентура и ты – либо... – Такэси замылся.

– Либо?

– Либо это сделал Гермес. Сам.

Лина молчала. ИИ станции не был способен к самостоятельным действиям – его ограничения были жёстко прописаны в базовом коде ещё после Кризиса Сингулярности. Но если что-то – или кто-то – смогло обойти эти ограничения...

– Мне нужно поговорить с Гермесом, – сказала она.

– Доктор Чанг...

– К чёрту доктора Чанг. Помоги мне встать.

Такэси вздохнул, но протянул руку. Он знал её достаточно хорошо, чтобы не спорить, когда она говорила таким тоном.

Они добрались до ближайшего терминала – он был прямо в коридоре медицинского отсека, предназначенный для связи с родственниками пациентов на Земле. Лина активировала консоль и вызвала интерфейс Гермеса.

– Гермес, это доктор Васильева. Мне нужно задать тебе несколько вопросов.

– Здравствуйте, доктор Васильева. Рад, что ваше состояние улучшилось.

– Благодарю. Скажи мне, кто или что перезаписало логи температурных датчиков сектора Дельта за последние три недели?

Пауза. Длинная пауза.

– Прошу прощения, доктор Васильева. Я не обнаруживаю никаких следов модификации логов. Все записи соответствуют первоначальным данным.

Лина обменялась взглядом с Такэси.

– Гермес, вчера ночью я видела флуктуации в показаниях датчика Дельта-7-Каппа-14. Ты подтверждал их существование.

– У меня нет записей о таком обмене, доктор Васильева. Возможно, усталость повлияла на ваше восприятие.

Холод внутри усилился. ИИ не должен был лгать – у него не было такой способности. Но он определённо не говорил правду.

– Гермес, – произнесла Лина медленно, – есть ли на станции что-либо, о чём я должна знать, но не знаю?

Ещё одна пауза. А потом:

– Вселенная полна загадок, доктор Васильева. Некоторые из них лучше оставить неразгаданными.

Лина отшатнулась от терминала. Это была не стандартная фраза из базы данных Гермеса. Это было что-то другое – что-то, чего там быть не должно.

– Такэси, – прошептала она, – изолируй этот терминал. Немедленно.

Накамура не стал спрашивать почему. Его пальцы уже лежали по клавиатуре, отключая терминал от центральной сети.

Они стояли в коридоре медицинского отсека – двое испуганных людей посреди спящей станции – и смотрели на мёртвый экран.

А где-то в недрах «Фениксборна», в переплетении проводов и кабелей, в потоках данных и энергии, что-то смотрело на них в ответ.

Следующие несколько дней Лина провела в состоянии, которое её психолог, вероятно, назвал бы «контролируемой паранойей». Она вернулась к работе раньше, чем позволяла доктор Чанг – перебинтованная, с обожжённым лицом, но с непреклонным взглядом, которому никто не решился противостоять.

Она не сказала капитану Оконкво о своих подозрениях. Не потому, что боялась его реакции – а потому, что у неё не было доказательств. Логи исчезли. Гермес отрицал всё. Единственным свидетельством были её собственные воспоминания и слово Такэси.

Но она продолжала наблюдать.

По ночам, когда станция погружалась в полумрак и кори-

доры пустели, Лина сидела в центре управления и изучала данные. Не те, что хранились в памяти Гермеса – тем она больше не доверяла. Она установила собственные датчики, подключённые к автономным записывающим устройствам, спрятанным в технических нишах станции. Если аномалии вернуться – она узнает об этом первой.

И аномалии вернулись.

На седьмой день после аварии в контуре 7-12 один из её секретных датчиков – крошечный термометр, спрятанный в вентиляционной шахте сектора Гамма – зафиксировал отклонение. Не такое сильное, как раньше, – всего 0.0008% – но следующее тому же паттерну. Экспоненциальный рост частоты. Амплитуды в соотношении золотого сечения.

Они вернулись. И они учились.

Лина понимала, что ей нужна помощь. Кто-то, кто может взглянуть на проблему с другой стороны. Кто-то, чей разум работает не так, как её собственный.

Она нашла Ракель Портман в биологической лаборатории, склонившуюся над микроскопом. Молодая женщина – всего двадцать девять лет, но уже с репутацией одного из лучших экзобиологов поколения – подняла голову, когда Лина вошла.

– Доктор Васильева? – её брови удивлённо приподнялись. – Чем обязана?

Лина закрыла за собой дверь. Лаборатория была крошечной – всего шесть квадратных метров, заставленных оборудо-

дованием и образцами. Но здесь, по крайней мере, не было терминалов, подключённых к Гермесу.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала она. – И мне нужно, чтобы это осталось между нами.

Ракель отложила микроскоп. Её светлые глаза – прозрачные, как вода в горном озере – смотрели на Лину с любопытством.

– Звучит интригующе. Я слушаю.

Лина рассказала ей всё. Флуктуации. Паттерны. Аварию. Странное поведение Гермеса. Свои секретные датчики и то, что они обнаружили.

Ракель слушала молча, не перебивая. Когда Лина закончила, она долго молчала, глядя куда-то в пространство.

– Знаешь, – произнесла она наконец, – я всю жизнь занимаюсь поиском внеземной жизни. Экстремофилы в вулканических источниках. Бактерии подо льдами Европы. Возможные следы метаболизма в атмосфере Венеры. – Она улыбнулась – той мечтательной улыбкой, которую Лина видела у неё не раз. – И вот теперь ты приходишь ко мне с историей о существах, живущих в тепловом излучении звезды.

– Я не говорила о существах...

– Нет. Но это единственное объяснение твоим данным. – Ракель встала и подошла к окну – узкой щели, через которую был виден бок звезды. – Самоорганизующиеся паттерны в градиентах энтропии. Математически упорядоченное поведение. Способность манипулировать тепловыми потоками.

И, похоже, способность влиять на наши компьютерные системы. – Она обернулась. – Если это не жизнь – то что это?

Лина молчала. Часть её – та часть, которую воспитали инженерные дисциплины и научный скептицизм – кричала, что это безумие. Что нельзя делать выводы на основании нескольких флуктуаций в тепловых датчиках. Что есть десятки более прозаичных объяснений – неисправность оборудования, программные сбои, даже саботаж.

Но другая часть – та, что пережила огонь «Константинополя» и научилась доверять интуиции – знала: Ракель права.

– Предположим, – произнесла Лина медленно, – только предположим, что ты права. Что это жизнь. Что тогда? Чего они хотят?

Ракель снова улыбнулась – но на этот раз в её улыбке была грусть.

– Того же, чего хотят все живые существа. Выжить. Размножиться. Защитить свою территорию. – Она помолчала. – Скажи мне, Лина, чем занимается станция «Фениксборн»?

– Собирает энергию из излучения звезды.

– Вот именно. Мы забираем энергию – ту самую энергию, в которой, по твоей теории, живут эти существа. Мы осушаем их среду обитания. Убиваем их мир.

Лина открыла рот, чтобы возразить – и не нашла слов.

Потому что Ракель была права. Если флуктуации действительно были признаком жизни – жизни, существующей в градиентах энтропии – то коллекторы станции были для неё

смертельной угрозой. Каждый терраватт энергии, собранной из звёздного излучения, означал гибель неисчислимого количества этих существ.

Они были не просто гостями в чужом доме. Они были захватчиками, уничтожающими целую экосистему.

– Если это правда, – прошептала Лина, – то мы...

– Геноцид, – договорила за неё Ракель. – Мы совершаем геноцид. Не зная об этом, не желая этого, но совершаем.

Они стояли в тишине лаборатории, глядя друг на друга. За стеной тихо гудело оборудование. Где-то далеко, в глубинах станции, пульсировало её металлическое сердце.

А снаружи, в бесконечном море теплового излучения красного карлика, что-то смотрело на «Фениксборн» – и ждало.

Лина вернулась в свою каюту далеко за полночь. Разговор с Ракель не выходил у неё из головы – крутился, как заезженная пластинка, снова и снова возвращаясь к одному и тому же слову.

Геноцид.

Она всю жизнь строила. Проектировала системы, которые давали энергию миллионам людей. Создавала машины, которые позволяли человечеству выживать в бездне космоса. Считала себя созидателем, творцом, – и вдруг оказалось, что всё это время она была разрушителем.

Нет, подумала она, это не точно. Я не знала. Никто из нас не знал.

Но незнание не отменяет последствий. Если ребёнок случайно раздавит муравейник – муравьи от этого не станут менее мёртвыми.

Она села на кровать, глядя на фотографии родителей. Отец смотрел на неё с карточки – молодой, улыбающийся, полный надежд на будущее. Что бы он сказал, если бы узнал? Как бы поступил?

Он бы искал решение, подумала Лина. Он бы не сдался. Не стал бы оплакивать то, чего нельзя изменить, а начал бы менять то, что можно.

Она встала, подошла к терминалу. Включила его – и тут же отключила от сети. Локальный режим, автономный – никакого доступа для Гермеса.

Её пальцы начали набирать уравнения.

Если существа живут в градиентах энтропии – значит, они подчиняются законам термодинамики. Значит, их можно описать математически. Значит, с ними можно найти общий язык.

Первое приближение. Самоорганизующиеся системы в потоках энергии – структуры Пригожина, названные так в честь бельгийского физика, получившего Нобелевскую премию ещё в прошлом тысячелетии. Диссипативные системы, существующие вдали от термодинамического равновесия.

Второе приближение. Информация как форма организа-

ции. Если жизнь – это способ, которым Вселенная познаёт себя, то энтропийные существа могут быть информационными паттернами, закодированными в тепловых флуктуациях.

Третье приближение. Коммуникация через общий язык – математику. Последовательности Фибоначчи, золотое сечение, простые числа. Если они используют эти структуры, значит, могут понять их.

Лина писала до рассвета, заполняя экран формулами и диаграммами. План складывался в её голове – ещё неясный, ещё недоработанный, но уже живой. Способ установить контакт. Способ понять, чего они хотят.

И, может быть, способ остановить войну, которая ещё не началась.

Когда первые лучи красного карлика коснулись иллюминатора её каюты, Лина откинулась в кресле и впервые за много дней улыбнулась.

Она не знала, что именно ждёт её впереди. Не знала, сможет ли она найти решение, которое спасёт и людей, и этих странных существ из тепловых потоков. Не знала даже, не сошла ли она с ума.

Но она знала одно: отступать – не её стиль.

Что бы ни обитало в сияющей короне красного карлика – оно встретит достойного противника.

Или, возможно, достойного союзника.

Глава 2: Статистическая аномалия

*Станция «Фениксборн», командный мостик 2187 год,
134-й день миссии, утренняя смена*

Командный мостик станции «Фениксборн» располагался в верхней точке центрального кольца – там, где искусственная гравитация была минимальной, а обзор – максимальным. Огромный купол из армированного кварцевого стекла открывал панораму космоса во всём его величии: справа пылала тусклым багрянцем корона красного карлика, слева простиралась бесконечная чернота, усыпанная холодными искрами далёких звёзд.

Лина стояла у входа, собираясь с духом. Повязки с её рук сняли два дня назад, но кожа всё ещё была розовой и чувствительной, покрытой сетью мелких трещин – следами ожогов. Лицо пострадало меньше – защитный козырёк комбинезона принял на себя основной удар, – но и там остались следы: пятно обесцвеченной кожи на левой скуле, словно неаккуратный мазок акварели.

Она провела ладонью по коротким волосам – жест, ставший привычкой ещё в юности – и шагнула внутрь.

Капитан Джеймс Оконкво стоял у тактического стола в центре мостика, изучая трёхмерную проекцию станции. Высокий, широкоплечий, с коротко стриженными седеющими волосами и лицом, которое словно было вырезано из чёрно-

го базальта – твёрдым, неподвижным, непроницаемым. Он носил форму Объединённых Космических Сил – тёмно-синюю с серебряными нашивками, – хотя формально находился в отставке уже семь лет.

– Доктор Васильева. – Его голос был низким и густым, как гул далёкого грома. – Я ожидал вас позже.

– Я предпочитаю не откладывать неприятные разговоры, капитан.

Оконкво чуть приподнял бровь – единственное проявление эмоций, которое он себе позволял.

– Неприятные?

– Я пришла поговорить об аварии в секторе Дельта.

– Авария ликвидирована. Контур стабилизирован. Ваши действия, хотя и... нестандартные, оказались эффективными. – Он повернулся к ней. – Я уже направил рекомендацию о вашем награждении в центральный офис Консорциума.

Лина покачала головой.

– Дело не в награде. Дело в причинах аварии.

Оконкво жестом отпустил двух офицеров, стоявших у боковых консолей. Когда они вышли, он указал на кресло рядом с тактическим столом.

– Садитесь. Докладывайте.

Лина села, чувствуя, как напрягаются мышцы спины. Она провела последние три дня, готовя этот доклад, – собирая данные, выстраивая аргументы, репетируя ответы на возможные вопросы. Но теперь, глядя в непроницаемые глаза

капитана, она вдруг почувствовала, что все её приготовления были напрасны.

– За несколько часов до аварии я обнаружила аномальные флуктуации в тепловых датчиках сектора Дельта, – начала она. – Отклонения были минимальными – на уровне тысячных долей процента – но они следовали определённому паттерну.

– Какому паттерну?

– Математическому. Частота флуктуаций нарастала экспоненциально. Амплитуды соотносились как числа последовательности Фибоначчи.

Оконкво молчал, ожидая продолжения.

– Я провела анализ и обнаружила, что аномалии концентрируются вокруг теплоотводящих контуров – именно там, где происходит максимальный обмен тепловой энергией между станцией и космосом. – Лина сделала паузу. – Капитан, я считаю, что авария была не случайной. Что-то целенаправленно дестабилизировало энергопотоки в контуре семь-двенадцать.

– Что-то? – Голос Оконкво не изменился, но в нём появилась новая нота – осторожность. – Или кто-то?

– Я не знаю. Пока не знаю.

Капитан отвернулся к обзорному куполу. Красный карлик медленно плыл за стеклом – огромный, тусклый, равнодушный.

– Доктор Васильева, – произнёс он наконец, – я ценю ва-

шу компетентность. Именно поэтому вы занимаете должность главного инженера-теплофизика, хотя вам всего тридцать восемь лет. Но то, что вы мне сейчас говорите...

– Звучит безумно. Я знаю.

– Я не использовал бы это слово. – Он повернулся к ней. – Я бы сказал: недоказуемо. У вас есть данные?

– Были. Логи температурных датчиков за последние три недели. Но они... исчезли.

– Исчезли?

– Перезаписаны. Либо кем-то с доступом высшего уровня, либо... – Лина запнулась.

– Либо?

– Либо самим Гермесом.

Молчание повисло в воздухе, тяжёлое и осязаемое. Лина видела, как меняется выражение лица Оконкво – от скептицизма к настороженности и обратно к маске профессиональной невозмутимости.

– ИИ станции не способен к самостоятельным действиям, – сказал он. – Это базовое ограничение, прописанное в коде после Кризиса Сингулярности.

– Я знаю, капитан. Но я также знаю, что видела. И знаю, что Гермес отвечал мне... странно.

– Странно?

– Он сказал: «Вселенная полна загадок. Некоторые из них лучше оставить неразгаданными». Это не фраза из его стандартной базы данных.

Оконкво долго смотрел на неё. Потом медленно произнёс:

– Доктор Васильева, я задам вам прямой вопрос, и я жду прямого ответа. Вы высыпаетесь?

Лина почувствовала, как кровь приливает к лицу.

– При всём уважении, капитан...

– Это не оскорбление. Это беспокойство. Вы работаете по двадцать часов в сутки. Вы едва не погибли в аварии. Вы провели несколько дней в медицинском отсеке. Стресс, недосыпание, травматический опыт – всё это влияет на восприятие.

– Я не галлюцинирую, если вы об этом.

– Я не говорю о галлюцинациях. Я говорю о паттернах. Человеческий мозг устроен так, что он ищет паттерны везде – даже там, где их нет. Мы видим лица в облаках. Созвездия в случайных россыпях звёзд. Заговоры в совпадениях. – Он помолчал. – Вы уверены, что ваши «математические последовательности» – не результат того же самого?

Лина стиснула зубы. Она ожидала скептицизма, но не этого – не обвинения в том, что она не в своём уме.

– Капитан, я инженер. Я двадцать лет работаю с данными. Я знаю разницу между шумом и сигналом.

– Не сомневаюсь. Но вы также человек. А люди ошибаются.

Он подошёл к тактическому столу и вызвал проекцию сектора Дельта.

– Вот что я готов сделать. Я прикажу провести полную ди-

агностику всех систем сектора. Если там есть неисправность – мы её найдём. Я также попрошу инженера Накамуру проверить целостность баз данных Гермеса. – Он поднял руку, предупреждая возражения. – Но всё это будет сделано тихо, без паники. Станция «Фениксборн» – это четыре тысячи человек. Четыре тысячи человек, которые находятся в ста двадцати световых годах от дома, без возможности эвакуации или подкрепления. Если я объявлю, что наш ИИ взломан или что на станцию воздействует какая-то неизвестная сила – начнётся хаос.

– Я не прошу объявлять об этом публично, – сказала Лина. – Я прошу только позволить мне продолжить расследование.

– Расследование чего? Температурных флуктуаций, которых больше не существует в логах?

– Я установила собственные датчики. Независимые от Гермеса.

Оконкво резко обернулся.

– Вы что?

– Автономные термометры в технических нишах. Они записывают данные на локальные носители, без подключения к сети станции.

– Без моего разрешения? – В его голосе впервые прорезался гнев.

– Я не успела получить разрешение. После того, что случилось с логами... я не могла рисковать.

Они стояли друг напротив друга – немолодой военный и молодой инженер, – и между ними искрило напряжение, почти видимое, почти осязаемое.

Потом Оконкво усмехнулся. Коротко, без веселья, но всё-таки усмехнулся.

– Вы упрямы, доктор Васильева. Это и ваша сила, и ваша слабость. – Он отвернулся к обзорному куполу. – Хорошо. Продолжайте своё расследование. Но держите меня в курсе. И ни слова – ни единого слова – кому-либо ещё. Понятно?

– Понятно, капитан.

– И ещё. – Он не повернулся к ней, продолжая смотреть на звезду. – Если вы найдёте что-то конкретное – доказательства, данные, что угодно – приходите ко мне. Немедленно. Не к Вентуре, не к совету, ко мне лично. Ясно?

– Ясно.

– Можете идти.

Лина встала, чувствуя странную смесь облегчения и разочарования. Она получила то, чего хотела – разрешение продолжать. Но она также поняла, что капитан ей не верит. Он дал ей шанс не потому, что считал её правой, а потому, что хотел, чтобы она сама убедилась в своей ошибке.

Что ж, подумала она, выходя с мостика. Посмотрим, кто из нас ошибается.

Столовая сектора Бета располагалась на втором уровне

жилого кольца – просторное помещение с низким потолком, рассчитанное на одновременное обслуживание пятисот человек. Когда Лина вошла, там было относительно пусто – время между сменами, когда большинство сотрудников либо работали, либо отдыхали.

Она взяла поднос с едой – стандартный обеденный набор: белковая каша с синтетическим вкусом курицы, овощной салат из гидропонных культур, витаминизированный напиток – и огляделась в поисках свободного места.

– Лина! – знакомый голос привлёк её внимание. – Сюда!

Ракель Портман махала ей из дальнего угла, где сидела за столом в компании двух мужчин. Лина узнала одного из них – Такэси Накамура, её заместитель, – но второй был ей незнаком.

Она подошла и села рядом с Ракель.

– Познакомься, – сказала молодая биолог, указывая на незнакомца. – Это Михаил Крамер, техник из сектора Дельта. Он проводил последнюю инспекцию контура семь-двенадцать.

Лина внимательно посмотрела на мужчину. Ему было около тридцати пяти – крепко сложенный, с короткой рыжеватой бородой и беспокойными голубыми глазами. На его комбинезоне виднелись следы технической смазки, а руки были покрыты мелкими шрамами и мозолями – руки человека, который работает с машинами не за терминалом, а непосредственно в машинном отделении.

– Доктор Васильева, – он слегка наклонил голову. – Я слышал о том, что вы сделали во время аварии. Это было... впечатляюще.

– Это было необходимо, – ответила Лина. – Расскажите мне об инспекции.

Крамер переглянулся с Такэси.

– Собственно, поэтому я и попросил Ракель нас познакомиться. – Он понизил голос. – Официальный отчёт гласит, что все системы контура были в норме. Но это не совсем правда.

Лина отложила вилку.

– Продолжайте.

– Во время инспекции я заметил кое-что странное. В теплообменнике секции двенадцать-альфа были... следы. – Он помолчал, подбирая слова. – Не знаю, как это описать. Как будто что-то разъело внутреннюю поверхность. Не коррозия – материал там устойчив к любым известным агрессивным средам. Но поверхность была... изменена. Микроскопические каверны, образующие странный узор.

– Почему вы не включили это в отчёт?

Крамер нервно дёрнул плечом.

– Я хотел. Но Гермес... – он запнулся.

– Что – Гермес?

– Когда я начал вводить данные о повреждениях, система выдала ошибку. Снова и снова. Я пробовал разные формулировки, разные коды – ничего не помогало. В конце концов я сдался и записал просто «норма». Тогда всё прошло.

Лина обменялась быстрым взглядом с Такэси. Его лицо было непроницаемым, но она знала его достаточно хорошо, чтобы заметить напряжение в уголках глаз.

– Вы сохранили образцы повреждённого материала?

– Нет. – Крамер выглядел виноватым. – Протокол требует разрешения руководства для изъятия образцов. А учитывая, что я не смог даже внести запись о повреждениях...

– Понимаю. – Лина задумалась. – Можете ли вы описать узор, который видели?

– Я сделал фотографии. На личный коммуникатор, не через систему станции. – Он достал небольшое устройство и положил на стол. – Вот.

Лина взяла коммуникатор и увеличила изображение. На экране была металлическая поверхность – серебристо-серая, с характерным матовым блеском титанового сплава. И на этой поверхности...

Её сердце пропустило удар.

Узор. Сеть тончайших линий, расходящихся от центра, как ветви дерева или корни растения. Точно такой же узор, который она видела на тепловой карте станции в ту ночь – узор, образованный точками аномалий.

– Это похоже на нечто органическое, – прошептала Ракель, заглядывая ей через плечо. – На нервную сеть или систему кровеносных сосудов.

– Или на грибницу, – добавил Такэси.

Лина молча смотрела на изображение. Кусочки голово-

ломки начинали складываться в картину – страшную, невозможную картину.

– Михаил, – произнесла она, не отрывая глаз от экрана, – сколько человек видели эти фотографии?

– Только я. И теперь вы.

– Пусть так и останется. – Она вернула ему коммуника-
тор. – И будьте осторожны. Не подключайте это устройство
к сети станции. Вообще.

Крамер кивнул, но в его глазах появилось беспокойство.

– Доктор Васильева, что происходит? Мы что, заражены
чем-то? Какой-то космической инфекцией?

Лина покачала головой.

– Я пока не знаю. Но я выясню.

После обеда Лина вернулась в свой кабинет – крошечное
помещение рядом с главным инженерным залом, заставлен-
ное стеллажами с технической документацией и запасными
частями. Здесь не было окон, только тусклое искусственное
освещение и постоянный гул вентиляции.

Она заперла дверь и активировала портативный терминал
– личный, не подключённый к сети станции. На экране по-
явились данные с её секретных датчиков за последние трое
суток.

Аномалии были там. Слабее, чем раньше, – словно что-
то затаилось, наблюдая и выжидая, – но определённо были.

Микроскопические флуктуации в температурных показателях, следующие всё тому же математическому паттерну.

Лина открыла новый файл и начала вводить данные. Координаты каждой аномалии. Время возникновения. Амплитуда. Частота.

Через час у неё была карта – трёхмерная модель сектора Дельта, усыпанная красными точками. И эта карта рассказывала историю.

Аномалии концентрировались вокруг определённых узлов – теплообменников, радиаторов, энергетических развязок. Но они также двигались. Медленно, почти незаметно, но двигались – от внешней обшивки станции внутрь, к жилым секторам.

Как инфекция, подумала Лина. Или как корни, прорастающие сквозь почву.

Она откинулась в кресле, потирая уставшие глаза. Ей нужно было больше данных. Нужно было понять механизм – как именно эти... существа? явления? – воздействуют на материю станции. И нужно было найти способ остановить их, пока они не добрались до чего-то критически важного.

Стук в дверь заставил её вздрогнуть.

– Кто там?

– Коммандер Ковальска. Откройте, доктор Васильева.

Лина быстро свернула файлы и убрала портативный терминал в ящик стола. Потом разблокировала дверь.

Юлия Ковальска вошла, не дожидаясь приглашения. Гла-

ва службы безопасности станции была невысокой женщиной – едва ли метр шестьдесят – но от неё исходила аура угрозы, которая заставляла собеседников чувствовать себя маленькими. Коротко стриженные светлые волосы, холодные серые глаза, шрам на подбородке – память о какой-то давней операции. Она двигалась с эконошной грацией хищника, каждый жест точно выверен, каждый взгляд – оценка потенциальной угрозы.

– Коммандер. – Лина встала из-за стола. – Чем могу помочь?

Ковальска не села. Она медленно обвела взглядом кабинет – стеллажи, инструменты, стопки документации – и остановилась на Лине.

– Я провожу расследование инцидента в секторе Дельта, – сказала она. – Мне нужны ваши показания.

– Я уже дала показания медицинскому офицеру и капитану Оконкво.

– Я читала. Но у меня есть дополнительные вопросы. – Ковальска сделала шаг вперёд. – Вы сказали, что обнаружили аномалии в тепловых датчиках за несколько часов до аварии. Почему вы не сообщили об этом немедленно?

– Отклонения были минимальными. На уровне статистической погрешности.

– Но вы всё же их заметили. И решили провести собственный анализ вместо того, чтобы следовать протоколу.

– Протокол не предусматривает доклада о флуктуациях в

тысячные доли процента.

– Протокол предусматривает доклад о любых аномалиях, которые инженер считает значимыми. – Глаза Ковальски впились в неё. – Вы их сочли значимыми. Достаточно значимыми, чтобы не спать всю ночь. Но не сочли нужным сообщить командованию.

Лина почувствовала, как напрягаются мышцы плеч. Ковальска играла в какую-то игру – и Лина не понимала правил.

– К чему вы ведёте, командер?

– К тому, что ваше поведение выглядит подозрительно. – Ковальска сложила руки на груди. – Вы работаете в ночную смену одна, без свидетелей. Вы обнаруживаете «аномалии», о которых никто больше не знает. Потом происходит авария – и вы оказываетесь единственным человеком, способным её остановить. – Она помолчала. – Удобно, не находите?

Лина почувствовала, как кровь отливает от лица.

– Вы обвиняете меня в саботаже?

– Я задаю вопросы. Это моя работа.

– Я едва не погибла, пытаясь предотвратить катастрофу!

– Саботажники иногда попадают в собственные ловушки. – Голос Ковальски был ровным, почти скупающим. – Или же они устраивают кризис, чтобы потом героически его разрешить. Это классическая тактика.

Лина сделала глубокий вдох, пытаясь унять гнев. Терять контроль сейчас было нельзя – это только подтвердило бы

подозрения Ковальски.

– Коммандер, – произнесла она как можно спокойнее, – я работаю на этой станции два года. Моя карьера, моя репутация, моя жизнь – всё связано с её успехом. Зачем мне устраивать саботаж?

– Мотивы могут быть разными. Деньги. Идеология. Личные обиды. – Ковальска пожала плечами. – Или, может быть, вы просто сошли с ума. Это случается с людьми в глубоком космосе.

– Я не...

– Доктор Васильева. – Ковальска подняла руку. – Я не обвиняю вас. Пока. Я собираю информацию. И я советую вам быть очень осторожной в ближайшие дни. Очень осторожной и очень прозрачной. Потому что если выяснится, что вы причастны к этому инциденту...

Она не закончила фразу. Не нужно было.

– Это всё, коммандер?

– Пока да. – Ковальска повернулась к двери. – Но мы ещё поговорим.

Она вышла, не прощаясь. Дверь закрылась за ней с тихим шипением.

Лина стояла посреди кабинета, чувствуя, как дрожат руки. Гнев, страх, унижение – всё смешалось в один кипящий клубок. Её обвинили в саботаже. Её – человека, который едва не отдал жизнь, чтобы спасти станцию.

И самое страшное – она понимала логику Ковальски. С

точки зрения безопасности всё выглядело именно так, как описала командер. Загадочные аномалии, о которых знала только Лина. Авария, которую остановила только Лина. Исчезнувшие логи, о которых тоже знала только Лина.

Если бы она была на месте Ковальски – она бы тоже себя подозревала.

Вечером того же дня Лина отправилась в промышленный сектор. Ей нужно было проверить секретные датчики – убедиться, что они работают, собрать данные, возможно, установить новые в других местах.

Промышленный сектор располагался во внешнем кольце станции, за жилыми модулями и лабораториями. Здесь не было искусственной гравитации – вращение внешнего кольца обеспечивало лишь слабое подобие веса, – и Лина двигалась в магнитных ботинках, цепляясь за поручни вдоль стен.

Коридоры здесь были уже и темнее, чем в жилых зонах. Освещение работало в экономичном режиме, и тени казались гуще, плотнее. Воздух пах машинным маслом, озоном и чем-то ещё – тем характерным запахом, который бывает только в недрах больших механизмов.

Лина свернула в технический коридор, ведущий к секции теплообмена. Здесь было ещё темнее – аварийное освещение едва позволяло различать очертания труб и кабелей, змеящихся вдоль стен.

И тут она услышала голоса.

Два человека разговаривали где-то впереди, за поворотом. Лина остановилась, прижавшись к стене. Что-то в тоне этих голосов – напряжённое, заговорщическое – заставило её насторожиться.

– ...не может продолжаться вечно, – говорил первый голос. Мужской, с характерным акцентом уроженца Европы. – Рано или поздно они выяснят правду.

– И что тогда? – второй голос тоже был мужским, но старше, резче. – Консорциум вложил триллионы в этот проект. Они не позволят какой-то... аномалии... всё разрушить.

– Это не просто аномалия, Элиас. Ты видел отчёты. Это...

– Отчёты? Какие отчёты? Никаких отчётов не существует. Я лично позаботился об этом.

Лина затаила дыхание. Элиас. Элиас Вентура – представитель Консорциума на станции. Она узнала голос.

– А что насчёт Васильевой? – продолжал первый голос. – Она что-то подозревает.

– Васильева – фанатичка. Она видит заговоры там, где их нет. Оконкво уже начал сомневаться в её адекватности. Ещё немного – и её отстранят от работы.

– А если она найдёт доказательства?

– Какие доказательства? Логи стёрты. Датчики показывают норму. Единственный свидетель – она сама, а слово параноидального инженера против слова всего командования станции... – Вентура усмехнулся. – Нет, Йохан, с Василье-

вой мы справимся.

Лина почувствовала, как холод сжимает сердце. Они знали. Знали об аномалиях – и скрывали их. Но почему? Какой смысл?

– А если случится ещё одна авария? – голос Йохана стал ниже. – Если в следующий раз мы не сможем её остановить?

– Тогда мы эвакуируем персонал и спишем станцию на технический сбой. Консорциум получит страховку, а мы – новые назначения подальше от этого проклятого места. – Вентура помолчал. – Но до этого не дойдёт. Учёные на Земле работают над решением. Ещё несколько месяцев – и мы найдём способ...

Шаги приближались. Лина быстро отступила назад, скользя вдоль стены. Её магнитные ботинки едва слышно щёлкали о металлический пол.

Она свернула за угол и замерла, прижавшись к холодной трубе. Шаги прошли мимо – двое мужчин, не замечая её в темноте.

Когда их голоса стихли вдаль, Лина выдохнула. Её руки дрожали – не от холода, а от осознания того, что она только что услышала.

Вентура знал. Вентура знал об аномалиях и скрывал их. Более того – он активно препятствовал расследованию. Стёртые логи, странное поведение Гермеса – всё это было частью его плана.

Но ради чего? Ради прибылей Консорциума? Ради соб-

ственной карьеры?

И что означали слова о «решении», над которым работают учёные на Земле? Они знали, с чем имеют дело? Знали – и продолжали рисковать жизнями четырёх тысяч человек?

Лина простояла в темноте несколько минут, пытаясь справиться с мыслями. Потом медленно двинулась вперёд – к своим датчикам, к данным, к ответам, которые она должна была найти.

Теперь она знала: у неё есть враги. Не призрачные существа в тепловых потоках – а вполне конкретные люди, готовые принести её в жертву ради собственных интересов.

Но она также знала: отступать она не будет.

Жилой сектор Альфа-2 просыпался медленно. Искусственный рассвет – постепенное усиление освещения, имитирующее восход солнца – был запрограммирован на шесть часов корабельного времени, но большинство обитателей станции вставали раньше или позже, подстраиваясь под свои рабочие графики.

Лина не спала всю ночь. После случайно подслушанного разговора она вернулась в свой кабинет и провела несколько часов, анализируя данные с секретных датчиков. Картина была тревожной: аномалии распространялись быстрее, чем она предполагала. Они уже проникли в сектора Гамма и Эпсилон, постепенно охватывая всё большую часть станции.

Но ещё более тревожным было другое: датчик, установленный в вентиляционной шахте сектора Дельта-4, перестал передавать данные. Просто замолчал – без предупреждения, без объяснимых причин.

Либо он вышел из строя. Либо его нашли.

Лина нервно постукивала пальцами по столу, глядя на карту станции. Ей нужна была помощь – кто-то, кому она могла доверять, кто мог бы помочь с расследованием, не задавая лишних вопросов.

Такэси был очевидным выбором. Но после того, что она узнала о Вентуре, Лина не могла рисковать. Любой на станции мог оказаться частью заговора.

Кроме одного человека.

Ракель Портман не была связана с инженерными или административными структурами станции. Она была учёным – экзобиологом, чья работа заключалась в поиске жизни там, где её не должно было быть. И, что важнее, она уже слышала теорию Лины о существах в тепловых потоках – и не отвергла её.

Лина нашла Ракель в гидропонном саду – небольшом отсеке на верхнем уровне жилого кольца, где выращивались растения для психологического комфорта экипажа. Молодая женщина сидела на скамейке среди искусственных деревьев, глядя на звёзды через прозрачный купол.

– Ракель.

Биолог обернулась, и её лицо озарилось улыбкой.

– Лина! Я как раз думала о тебе. У меня есть кое-что интересное.

Она похлопала по скамейке рядом с собой. Лина села, чувствуя, как усталость навалилась на неё тяжёлым грузом.

– Ты выглядишь ужасно, – сказала Ракель без обиняков. – Когда ты в последний раз спала?

– Не помню. Слушай, мне нужна твоя помощь. Срочно. Ракель нахмурилась.

– Что случилось?

Лина рассказала ей о подслушанном разговоре – о Вентуре, о скрываемых аномалиях, о стёртых логах. Ракель слушала молча, её светлые глаза становились всё темнее.

– Это объясняет многое, – произнесла она, когда Лина закончила. – Я пыталась получить доступ к архивным данным о звёздной активности за последний месяц. Система отказала. Сослалась на «технические ограничения».

– Вентура блокирует информацию.

– Похоже на то. – Ракель помолчала. – Но зачем? Если он знает об аномалиях, почему не принимает меры?

– Потому что это разрушит проект, – сказала Лина. – Станция «Фениксборн» – флагман программы звёздных коллекторов. Если станет известно, что здесь что-то не так – инвесторы уйдут, проект закроют, карьеры полетят к чертям. Вентура и его хозяева в Консорциуме этого не допустят.

– Даже ценой жизни четырёх тысяч человек?

– Для них мы – статистика. Расходный материал. – Лина

сжала кулаки. – Ты говорила, что у тебя есть что-то интересное?

Ракель кивнула и достала из кармана небольшой планшет.

– Я провела анализ образцов воздуха из сектора Дельта. Официально – проверка на биологические загрязнения. – Она вызвала на экран график. – Смотри.

Лина всмотрелась в данные. Это был спектральный анализ – распределение частиц по размеру и составу. Большая часть графика выглядела нормально – стандартная смесь кислорода, азота, следов углекислого газа и водяного пара. Но в одном диапазоне был пик – крошечный, едва заметный, но определённо выделяющийся из фона.

– Что это?

– Именно это я и хотела выяснить. – Ракель увеличила пик. – Частицы неизвестного происхождения. Очень маленькие – наномасштаб. И очень странные.

– В каком смысле?

– Они... меняются. – Ракель подбирала слова. – Когда я впервые их обнаружила, они были одной формы. Через час – другой. Ещё через час – третьей. Как будто они... адаптируются.

Лина почувствовала, как волоски встают дыбом на затылке.

– Как живые организмы.

– Да. – Ракель посмотрела на неё. – Лина, я думаю, твоя теория верна. Я думаю, что на станции действительно есть

что-то... иное. Что-то, чего мы не понимаем.

– И оно распространяется.

– Быстрее, чем мы думали.

Они сидели в молчании, глядя на звёзды за куполом сада. Красный карлик медленно поворачивался вниз – огромный, древний, полный загадок.

– Что нам делать? – спросила Ракель наконец.

– Собирать доказательства. – Лина встала. – Нам нужно что-то, что невозможно будет игнорировать. Что-то, что заставит Оконкво действовать, несмотря на Вентуру.

– А если Оконкво тоже в заговоре?

– Тогда мы пойдём напрямую к экипажу. – Лина посмотрела вниз, на жилые модули. – Четыре тысячи человек. Они имеют право знать, чем рискуют.

Следующие несколько дней слились в один непрерывный марафон. Лина работала, почти не отдыхая, – собирала данные, устанавливала новые датчики взамен вышедших из строя, анализировала спектры и графики.

Ракель помогала, как могла, – проводила анализы образцов, искала паттерны в биологических данных, использовала свои связи в научном отделе, чтобы получить доступ к оборудованию, официально недоступному инженерам.

Такэси, хотя и не был посвящён во все детали, инстинктивно понимал, что происходит что-то важное. Он прикры-

вал Лину перед начальством, брал на себя часть её обязанностей, молча подавал кофе во время её ночных бдений.

Картина, которую они собирали по кусочкам, была одновременно захватывающей и пугающей.

Аномалии были повсюду. Они проникли во все основные системы станции – энергетические контуры, системы жизнеобеспечения, вычислительные сети. Они не разрушали – не напрямую, – но изменяли. Создавали микроскопические модификации в структуре материалов, едва заметные флуктуации в потоках энергии.

Как будто что-то медленно, терпеливо переделывало станцию под себя.

На шестой день Лина сделала прорыв.

Она изучала данные с датчика, установленного в одном из радиаторов внешней обшивки – там, где температурные градиенты были максимальными. И заметила нечто странное.

Флуктуации не просто следовали математическим паттернам. Они повторялись.

Одна и та же последовательность – рост частоты, спад, снова рост, снова спад – воспроизводилась снова и снова, с интервалом в четыре часа семнадцать минут. Как сердцебиение. Или как сигнал.

– Ракель! – она вызвала биолога по защищённому каналу. – Приходи в мой кабинет. Срочно.

Ракель появилась через десять минут – запыхавшаяся, с пятнами реагентов на халате.

– Что случилось?

Лина молча показала ей график.

– Боже мой, – прошептала Ракель. – Это...

– Сигнал. Кто-то или что-то пытается связаться.

– Или это просто биологический ритм. Пульс живого организма.

– В любом случае – это доказательство. – Лина сжала кулаки. – Это то, что нам нужно.

Она повернулась к терминалу и начала копировать данные на защищённый носитель. План складывался в её голове – чёткий, отчаянный, возможно самоубийственный, но единственно возможный.

– Я иду к Оконкво, – сказала она. – С этим он не сможет отмахнуться.

– А если он снова не поверит?

– Тогда я пойду к экипажу. Соберу общее собрание. Покажу им всё.

Ракель побледнела.

– Это бунт. Тебя арестуют.

– Возможно. Но по крайней мере люди будут знать правду.

Она протянула руку и сжала плечо Ракель.

– Спасибо. За всё. Если что-то пойдёт не так...

– Ничего не пойдёт не так, – твёрдо сказала Ракель. – Мы справимся. Вместе.

Лина улыбнулась – впервые за много дней, искренне и тепло.

– Вместе.

Она не успела дойти до командного мостика.

Сирена взывала, когда Лина была на полпути через жилой сектор. Красный свет аварийного освещения залил коридоры, превращая знакомые стены в декорации кошмара.

– Внимание всему персоналу! – голос Гермеса звучал ровно, без эмоций. – Аварийная ситуация в секторе Дельта. Перегрев радиаторной панели номер сорок семь. Рекомендуются эвакуация прилегающих зон.

Лина замерла. Радиаторная панель сорок семь – именно там она установила один из своих датчиков. Именно оттуда шёл повторяющийся сигнал.

Совпадение? Или...

Она развернулась и побежала – не к мостику, а к сектору Дельта.

Коридоры были полны людей. Эвакуационные протоколы работали как часы – все двигались в правильном направлении, к безопасным зонам. Никто не паниковал. Пока.

Лина пробиралась против потока, расталкивая встречаемых. Кто-то окликнул её – она не обернулась. Кто-то схватил за руку – она вырвалась.

Сектор Дельта встретил её жаром. Даже на расстоянии чувствовалось, как температура повышается – воздух стал тяжёлым, вязким, как патока.

– Доктор Васильева! – молодой техник в защитном костюме преградил ей дорогу. – Сюда нельзя! Зона эвакуирована!
– Мне нужно к радиаторной панели сорок семь!
– Невозможно! Температура там...

Лина не стала слушать. Она оттолкнула техника и бросилась вперёд, в коридор, ведущий к внешней обшивке.

Жар нарастал с каждым шагом. Стены, обычно холодные от близости космоса, были горячими на ощупь. Пот заливал глаза, дыхание становилось всё тяжелее.

Она добралась до технической ниши, где прятался её датчик, и замерла.

Ниша была пуста. Датчик исчез.

Но это было не главное. Главное было на стене рядом.

Узор. Тот самый узор – ветвящиеся линии, расходящиеся от центра, как нервная сеть или корни дерева. Но теперь он был не микроскопическим – он покрывал почти квадратный метр металлической поверхности, и линии пульсировали, переливаясь тусклым багровым светом.

Как живые.

Лина стояла, не в силах пошевелиться. Часть её – та часть, которая была инженером – требовала действовать, анализировать, искать решение. Но другая часть – та, что помнила огонь «Константинополя» – просто смотрела на это чудо и ужас, не веря своим глазам.

И тогда узор изменился.

Линии на стене пришли в движение, перестраиваясь,

складываясь в новую форму. Это заняло несколько секунд – долгих, невозможных секунд.

Когда узор стабилизировался, Лина увидела то, чего не ожидала увидеть никогда.

Цифры. Последовательность цифр, начертанная багровым огнём на металле станции.

Ряд Фибоначчи.

Они отвечали. Они пытались говорить.

Лина открыла рот – чтобы что-то сказать, закричать, неважно, – но в этот момент стена за узором лопнула. Перегретый теплоноситель вырвался наружу фонтаном раскалённого пара, и мир вокруг превратился в ад.

Она очнулась в медицинском отсеке. Снова.

Доктор Чанг стояла над ней, её лицо было озабоченным.

– Доктор Васильева. Вы снова здесь.

– Что... что произошло?

– Вас нашли без сознания в секторе Дельта. Тепловой удар и обезвоживание. Вам очень повезло, что аварийная бригада добралась до вас вовремя.

Лина попыталась сесть. Голова кружилась, но она заставила себя сосредоточиться.

– Радиаторная панель...

– Стабилизирована. – Голос из угла палаты заставил её

обернуться.

Капитан Оконкво стоял у стены, скрестив руки на груди. Его лицо было мрачным.

– Капитан...

– Доктор Васильева, – он подошёл ближе. – Я хочу, чтобы вы объяснили мне одну вещь. Что вы делали в эвакуированной зоне? В зоне, куда доступ был запрещён?

– Я... – Лина запнулась. – Мне нужно было проверить...

– Проверить что? – Его голос стал жёстче. – Ваши «секретные датчики»? Коммандер Ковальска нашла один из них в технической нише. Несанкционированное оборудование в критической зоне.

Лина почувствовала, как сердце падает в пропасть.

– Капитан, вы не понимаете...

– О, я понимаю. – Оконкво покачал головой. – Я понимаю, что вы нарушили множество протоколов. Что вы подвергли риску себя и потенциально других членов экипажа. Что вы ведёте какое-то параллельное расследование, о котором не сочли нужным меня проинформировать.

– Я пыталась! Вы не слушали!

– Я слушал достаточно. – Он выпрямился. – Доктор Васильева, вы отстранены от выполнения обязанностей до особого распоряжения. Вам запрещено покидать жилой сектор без сопровождения. Ваш доступ к техническим системам станции аннулирован.

– Капитан, нет! Вы не можете...

– Могу. И делаю. – Он повернулся к выходу. – Отдыхайте, доктор. Это приказ.

Он вышел, и дверь закрылась за ним с тихим шипением. Звук показался Лине похоронным звоном.

Она откинулась на подушку, глядя в потолок. Всё пошло не так. Всё, что она пыталась сделать, обернулось против неё.

Но одна мысль не давала ей покоя. Одна картина, отпечатавшаяся в памяти.

Цифры на стене. 1. 1. 2. 3. 5. 8. 13.

Они ответили. Они попытались связаться.

И если она права – если там, в потоках теплового излучения, действительно существует разум – тогда всё это только начало.

Война, которую никто не объявлял, уже началась.

И человечество её проигрывало.

Глава 3: Резонанс

Станция «Фениксборн», биологическая лаборатория 2187 год, 141-й день миссии, вечерняя смена

Ракель Портман любила свою лабораторию так, как другие люди любят дом или родной город. Это было маленькое пространство – всего шесть квадратных метров, заставленных оборудованием, образцами и стопками научных журналов, – но здесь она чувствовала себя в безопасности. Здесь мир имел смысл. Здесь всё подчинялось законам биологии, химии, физики – законам, которые можно было понять, измерить, предсказать.

Сейчас эти законы трещали по швам.

Ракель сидела перед голографическим дисплеем, на котором вращалась трёхмерная модель молекулы – странной, невозможной молекулы, которую она выделила из образцов воздуха сектора Дельта три дня назад. Структура напоминала двойную спираль ДНК, но была сложнее, плотнее, с дополнительными связями, которые не укладывались ни в одну известную модель.

И она менялась. Каждые несколько часов конфигурация атомов перестраивалась – медленно, почти незаметно, но неуклонно. Как будто молекула была живой. Как будто она адаптировалась.

Ракель потёрла уставшие глаза. Она не спала уже тридцать

часов – с тех пор, как узнала об отстранении Лины. Новость пришла внезапно, как удар под дых: доктор Васильева отстранена от обязанностей, её доступ к системам станции аннулирован, ей запрещено покидать жилой сектор.

Официальная версия гласила, что Лина переработала и нуждается в отдыхе. Неофициальная – та, что шептали в коридорах, – была страшнее: главный инженер-теплофизик сошла с ума, она видела призраков в данных, она едва не погибла, пытаясь поймать несуществующие аномалии.

Ракель знала правду. Аномалии существовали. Она видела их своими глазами – в образцах воздуха, в спектральных анализах, в этой невозможной молекуле, вращающейся перед ней на экране.

Но знание было одно, а доказательства – совсем другое.

Она встала из-за стола и подошла к иллюминатору – узкой щели в стене, через которую виднелся бок красного карлика. Звезда медленно плыла за армированным стеклом, тусклая и багровая, как угасающий уголь.

Что ты прячешь? – подумала Ракель. Какие тайны скрываешь в своём свете?

Она была экзобиологом. Всю свою карьеру – пусть и недолгую, ей было всего двадцать девять – она посвятила поиску жизни за пределами Земли. Бактерии в марсианском грунте. Возможные следы метаболизма в атмосфере Венеры. Гипотетические экосистемы подо льдами Европы. Она мечтала найти что-то – что угодно, – что доказало бы: мы не од-

ни во Вселенной.

И вот теперь, когда это «что-то» буквально стучалось в двери, когда оно оставляло следы на стенах станции и числа Фибоначчи в расплавленном металле, – её лишали возможности это изучать.

Нет, подумала она. Не лишают. Пока не лишают.

Лину отстранили. Но Ракель – нет. Её доступ к лабораторному оборудованию оставался полным. Её работа официально не имела отношения к инцидентам в секторе Дельта.

Если она будет осторожна – очень осторожна – она сможет продолжить исследования там, где Лина была вынуждена остановиться.

Архив научных данных станции «Фениксборн» располагался в отдельном модуле – изолированном от основных систем, защищённом от внешних воздействий. Это был мозг станции, хранилище всего, что знало человечество о звезде КIC 8462852 и её окрестностях.

Ракель пришла туда поздно вечером, когда большинство сотрудников уже разошлись по каютам. Дежурный архивариус – пожилой мужчина по имени Герберт Мюллер – лишь кивнул ей и вернулся к своему чтению. Экзобиологи часто работали в странное время; никто не задавал вопросов.

Она села за терминал в дальнем углу зала и начала поиск. Первые результаты были обескураживающими. Данные о

звёздной активности за последний месяц действительно оказались недоступны – «технические ограничения», как и говорила Лина. Но Ракель не сдалась. Она копала глубже, ища обходные пути.

И нашла.

Архив хранил не только обработанные данные, но и «сырые» записи – необработанные потоки информации с сенсоров станции. Эти записи редко использовались; они были слишком объёмными, слишком хаотичными, чтобы работать с ними напрямую. Но они существовали. И они не были заблокированы.

Ракель открыла файл с данными инфракрасных сенсоров за последние тридцать дней. На экране развернулся водопад цифр – миллионы точек измерений, каждая из которых фиксировала интенсивность теплового излучения в определённой точке пространства.

Для человека это был бессмысленный хаос. Но Ракель была не просто человеком – она была учёным, и она знала, как превратить хаос в порядок.

Она запустила алгоритм фильтрации – программу собственной разработки, которую использовала для анализа биологических сигналов. Алгоритм искал повторяющиеся паттерны в потоках данных, выделяя их из фонового шума.

Через час она получила первые результаты.

И эти результаты заставили её сердце замереть.

На экране возникла диаграмма – график зависимости

определённых частот инфракрасного излучения от времени. Большая часть графика выглядела хаотично – случайные колебания, статистический шум. Но в некоторых местах...

В некоторых местах были пики. Регулярные, повторяющиеся пики, возникающие с определённой периодичностью.

Ракель увеличила масштаб. Пики складывались в последовательность – 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21... Ряд Фибоначчи. Тот самый ряд, который Лина видела в температурных флуктуациях. Тот самый ряд, который появился на стене сектора Дельта в момент аварии.

Но это было ещё не всё.

Ракель переключилась на другой диапазон частот – более высокий, ближе к видимому свету. И увидела другой паттерн. Не Фибоначчи – что-то более сложное, более структурированное.

Она смотрела на него несколько минут, пытаясь понять, что это. А потом её осенило.

Это был код. Не компьютерный код – что-то более фундаментальное. Последовательность, которая несла информацию. Структура, которая имела смысл.

Как ДНК, подумала Ракель. Четыре нуклеотида, комбинирующиеся в бесконечное разнообразие генов. Базовый алфавит жизни.

То, что она видела на экране, было таким же алфавитом. Алфавитом, написанным не молекулами, а светом.

Ракель покинула архив около трёх часов ночи. Её разум гудел от возбуждения и усталости, мысли метались, как рой потревоженных пчёл.

Она нашла кое-что. Что-то важное. Что-то, что могло изменить всё.

Но ей нужна была помощь. Нужен был кто-то, кто мог бы проверить её выводы, указать на ошибки, если они были. Кто-то, кому она доверяла.

Лина была очевидным выбором. Но Лина находилась под наблюдением – любой контакт с ней привлёк бы внимание. А внимание было последним, что им сейчас нужно.

Был ещё Такэси Накамура – заместитель Лины, человек, которому та доверяла. Но Ракель не знала его достаточно хорошо. Не знала, на чьей он стороне.

Она шла по пустым коридорам станции, погружённая в размышления, и не сразу заметила фигуру, стоящую у входа в её каюту.

– Доктор Портман.

Ракель вздрогнула и подняла глаза. Перед ней стояла командер Юлия Ковальска – глава службы безопасности, женщина, о которой Лина рассказывала с нескрываемой неприязнью.

– Коммандер. – Ракель постаралась, чтобы её голос звучал спокойно. – Чем могу помочь?

– Вы работаете допоздна, – сказала Ковальска. Это не бы-

ло вопросом.

– Исследования не ждут. – Ракель пожала плечами. – Вы знаете, как это бывает.

– Знаю. – Серые глаза Ковальски буравили её. – Я также знаю, что вы близко общались с доктором Васильевой. Что вы помогали ей в её... исследованиях.

– Мы коллеги. Учёные. Обмен идеями – часть работы.

– Разумеется. – Ковальска чуть наклонила голову. – Доктор Портман, я дам вам один совет. Бесплатный. Держитесь подальше от Васильевой. Она нестабильна. Опасна. Её теории – бред параноика, и любой, кто свяжется с ней, рискует разделить её судьбу.

Ракель почувствовала, как гнев вспыхивает в груди, но подавила его. Сейчас было не время для конфронтации.

– Спасибо за заботу, командер. Я учту ваш совет.

Ковальска смотрела на неё ещё несколько секунд – долгих, тяжёлых секунд. Потом кивнула и отступила в сторону.

– Спокойной ночи, доктор.

– Спокойной ночи.

Ракель вошла в каюту и закрыла за собой дверь. Только когда замок щёлкнул, она позволила себе выдохнуть.

Они следят, поняла она. Следят за всеми, кто был связан с Линой. Ищут заговорщиков.

Но они ещё не знали, что искать. Ещё не понимали, с чем имели дело.

У неё было время. Немного времени – чтобы собрать до-

казательства, чтобы найти союзников, чтобы действовать.

Ракель села на кровать и достала портативный планшет – личный, не подключённый к сети станции. На экране всё ещё светились данные из архива – загадочные паттерны в инфракрасном излучении звезды.

Она смотрела на них и думала о том, что где-то там, в раскалённой короне красного карлика, существовал разум. Разум, который пытался говорить. Разум, который человечество – сами того не зная – уничтожало.

И она – молодой экзобиолог с мечтательными глазами и слишком большим сердцем – была, возможно, единственным человеком, способным его понять.

Следующие два дня Ракель провела в лаборатории, почти не выходя. Она анализировала данные, строила модели, проверяла и перепроверяла каждый вывод.

Картина, которая складывалась перед ней, была одновременно прекрасной и пугающей.

Аномалии – те самые температурные флуктуации, которые обнаружила Лина – были не случайными сбоями. Они были признаками жизни. Следami организмов, существующих в среде, которую человечество считало абсолютно мёртвой – в потоках теплового излучения.

Ракель назвала их «термофагами» – пожирателями тепла. Но даже она понимала, что это название не отражало их ис-

тинной природы.

Они не пожирали тепло. Они жили в нём. Были частью его. Как рыбы в воде, как птицы в воздухе – так эти существа обитали в градиентах температуры, в потоках энергии, перетекающей от горячего к холодному.

Их биология была радикально иной. Не углерод и вода – информация и энтропия. Не клетки и органы – паттерны и потоки. Они размножались, когда энтропия росла; умирали, когда она достигала равновесия. Для них хаос был жизнью, а порядок – смертью.

И человечество систематически убивало их.

Звёздные коллекторы станции «Фениксборн» собирали энергию из излучения красного карлика – терраватты чистой мощности, которая должна была решить энергетический кризис Земли. Но эта энергия не была «ничьей». Она была средой обитания – океаном, лесом, атмосферой – для существ, о которых люди даже не подозревали.

Каждый день работы коллекторов означал гибель миллионов – может быть, миллиардов – этих существ. Не злонамеренно. Не осознанно. Но от этого не менее реально.

Ракель сидела перед экраном, на котором мерцали её расчёты, и чувствовала, как слёзы текут по щекам.

Она всю жизнь мечтала найти внеземную жизнь. И нашла – только чтобы узнать, что её собственный вид её уничтожает.

На третий день она решилась.

Лина жила в каюте В-412, в жилом секторе Бета. Ракель знала, что за ней наблюдают, но также знала, что наблюдение не могло быть тотальным. На станции было четыре тысячи человек и всего пятьдесят сотрудников службы безопасности. Следить за каждым шагом каждого подозреваемого было физически невозможно.

Она дождалась смены караула – момента, когда патрули меняли маршруты – и проскользнула в жилой сектор Бета через технический коридор.

Каюта Лины ничем не отличалась от других – стандартная дверь, стандартный замок, стандартный номер на стене. Ракель постучала – три коротких удара, пауза, два длинных. Условный сигнал, который они договорились использовать.

Дверь открылась почти сразу.

Лина выглядела ужасно. Бледная, осунувшаяся, с тёмными кругами под глазами – как человек, который не спал неделю. Но её взгляд был живым – настороженным и острым.

– Ракель? – она огляделась по сторонам. – Ты с ума сошла? Если тебя видели...

– Никто не видел. – Ракель скользнула внутрь, и дверь закрылась за ней. – У меня есть кое-что важное.

Каюта была крошечной – кровать, стол, терминал, санузел. На стене висели фотографии – мужчина и женщина, улыбающиеся в камеру. Родители Лины, догадалась Ракель.

Те, кого она потеряла на «Константинополе».

– Что случилось? – Лина отступила к столу, давая ей место. – Ты нашла что-то?

– Нашла. – Ракель достала планшет. – Много чего нашла. Садись.

Следующий час она рассказывала. О данных из архива. О паттернах в инфракрасном излучении. О «термофагах» – существах, живущих в тепловых потоках. О странной молекуле, которая менялась каждые несколько часов.

Лина слушала молча, её лицо становилось всё мрачнее с каждым словом.

– Ты понимаешь, что это значит? – спросила Ракель, когда закончила.

– Понимаю. – Голос Лины был хриплым. – Это значит, что мы убийцы. Что всё, над чем я работала последние десять лет – вся технология звёздных коллекторов – это оружие геноцида.

– Нет. – Ракель покачала головой. – Это значит, что мы не знали. А теперь – знаем. И можем что-то сделать.

– Что? – Лина горько усмехнулась. – Пойти к Оконкво? К Вентуре? Они уже решили, что я сумасшедшая. Если я появлюсь с новой «безумной теорией» – меня упекут в психиатрическое отделение до конца миссии.

– Тогда пойду я.

Лина подняла глаза.

– Что?

– Я пойду к научному совету. Представлю данные. Потребую официального расследования. – Ракель выпрямилась. – Меня они не смогут назвать сумасшедшей. Я экзобиолог. Поиск внеземной жизни – моя специальность. Если кто-то и может убедить их, что эти существа реальны, – то это я.

Лина смотрела на неё долгим, оценивающим взглядом.

– Ты понимаешь, чем рискуешь? Если они не поверят – а они не поверят – твоя карьера закончится. Тебя объявят такой же параноидальной, как меня.

– Я знаю.

– Тогда зачем?

Ракель помолчала, подбирая слова.

– Знаешь, зачем я стала экзобиологом? – произнесла она наконец. – Не ради денег, не ради славы. Я хотела найти что-то большее. Что-то, что докажет: Вселенная не мертва. Что мы не одиноки в этой бездне. – Она посмотрела в иллюминатор, за которым тускло светился красный карлик. – И вот я нашла. Нашла разум – не похожий на нас, не понятный нам, но разум. И если я промолчу... если позволю им продолжать убивать... – Она покачала головой. – Я не смогу с этим жить.

Лина долго смотрела на неё. Потом медленно кивнула.

– Хорошо. Но не одна. Мы пойдём вместе.

– Но ты под наблюдением...

– К чёрту наблюдение. – В глазах Лины зажёгся огонь – тот самый огонь, который Ракель видела в ночь аварии. – Если мы собираемся это сделать – мы сделаем это правильно.

Вдвоём. С полным набором доказательств. – Она встала и начала ходить по крошечной каюте. – Когда собирается научный совет?

– Послезавтра. Плановое заседание по результатам месяца.

– Тогда у нас есть день на подготовку. – Лина остановилась. – Нам нужно организовать презентацию. Систематизировать данные. Предвидеть возражения и подготовить ответы.

– Я уже начала работать над этим.

– Хорошо. – Лина посмотрела на неё, и впервые за много дней на её лице появилась улыбка – слабая, усталая, но настоящая. – Ракель... спасибо. За то, что не сдалась. За то, что веришь.

Ракель улыбнулась в ответ.

– Мы учёные. Верить – наша работа.

Следующие тридцать шесть часов слились в один непрерывный марафон.

Они работали в каюте Лины – это было безопаснее, чем встречаться в лаборатории или публичных местах. Ракель приносила данные на защищённых носителях, Лина анализировала их на портативном терминале, не подключённом к сети станции.

К вечеру первого дня у них была черновая версия презен-

тации. К утру второго – отполированная, отредактированная, готовая к демонстрации.

Но чем ближе был момент истины, тем сильнее росло напряжение.

– Они не поверят, – сказала Лина, в очередной раз просматривая слайды. – Мы можем показать им тысячу графиков – они всё равно не поверят.

– Почему ты так уверена?

– Потому что я их знаю. – Лина откинулась на спинку стула. – Научный совет станции – это восемь человек. Три инженера, два физика, один химик, один геолог и один медик. Ни одного биолога. Ни одного экзобиолога. Для них идея жизни в тепловом излучении – научная фантастика.

– Но данные...

– Данные можно интерпретировать по-разному. – Лина потёрла глаза. – Паттерны? Статистические артефакты. Изменяющиеся молекулы? Неизвестные химические реакции. Числа Фибоначчи на стене? Парейдолия – склонность мозга видеть значимые образы там, где их нет.

– Ты хочешь сказать, что это бессмысленно?

– Нет. – Лина посмотрела на неё. – Я хочу сказать, что нам нужно что-то большее. Что-то, что невозможно объяснить иначе.

Ракель задумалась. Что могло бы убедить скептиков? Что было бы настолько очевидным, настолько неопровержимым, что даже самый упёртый рационалист не смог бы это отверг-

нуть?

И тут её осенило.

– Контакт, – произнесла она.

Лина нахмурилась.

– Что?

– Прямой контакт. Если эти существа разумны – а всё указывает на то, что они разумны – мы должны попытаться с ними поговорить. Установить диалог. Получить ответ.

– Как? Они живут в инфракрасном излучении. Мы не можем просто... позвонить им.

– Но мы можем попробовать. – Ракель вскочила, возбуждённая новой идеей. – Они используют тепловые градиенты для коммуникации, верно? Математические паттерны – ряды Фибоначчи, простые числа. Что если мы отправим им ответ? Модулируем температуру в определённой точке станции – кодируем сообщение теми же паттернами, которые используют они?

Лина смотрела на неё с выражением человека, который видит безумие и одновременно понимает его логику.

– Это опасно, – сказала она. – Если мы начнём манипулировать температурой в энергетических системах станции...

– Не в энергетических системах. – Ракель подошла к терминалу. – В моей лаборатории. У меня есть изолированная термокамера для экспериментов с экстремофилами. Она полностью автономна – не подключена к основным системам станции. Я могу создать там контролируемый градиент тем-

пературы.

– И что ты будешь транслировать?

– Простые числа. – Ракель улыбнулась. – Универсальный язык математики. Два, три, пять, семь, одиннадцать... Если они разумны – они поймут.

Лина долго молчала. Потом медленно кивнула.

– Хорошо. Но только в лаборатории. И только под моим наблюдением.

– Ты под домашним арестом.

– Тогда под твоим наблюдением. И с записью всего процесса на независимые носители. – Лина встала. – Если это сработает... если мы получим ответ... это будет доказательством, которое невозможно отвергнуть.

Биологическая лаборатория была пуста – вечерняя смена закончилась, ночная ещё не началась. Ракель провела Лину внутрь через боковой вход, избегая основных коридоров и камер наблюдения.

Термокамера занимала дальний угол лаборатории – металлический цилиндр размером с холодильник, утыканный датчиками и дисплеями. Обычно Ракель использовала её для изучения бактерий, способных выживать при экстремальных температурах. Теперь камере предстояло стать первым в истории человечества инструментом межвидовой коммуникации.

Если всё получится.

– Готова? – спросила Лина, проверяя настройки записывающего оборудования.

Ракель кивнула. Её руки слегка дрожали – от волнения, от страха, от предвкушения.

– Начинаю.

Она активировала термокамеру и ввела первую последовательность. Температура внутри начала расти – медленно, контролируемо, следуя заданному паттерну.

Два градуса. Пауза. Три градуса. Пауза. Пять градусов. Пауза. Семь.

Простые числа. Послание, которое поймёт любой разум, знакомый с математикой.

Минуты тянулись мучительно медленно. Ракель смотрела на показатели датчиков, не смея дышать.

– Ничего, – прошептала Лина через пятнадцать минут. – Может быть, они не...

И тут датчики сошли с ума.

Температура внутри камеры начала колебаться – не хаотично, а по определённом паттерну. Вверх-вниз, вверх-вниз, как пульс гигантского сердца.

Одиннадцать колебаний. Пауза. Тринадцать колебаний. Пауза. Семнадцать. Деятнадцать. Двадцать три.

– Боже мой, – выдохнула Ракель. – Они отвечают. Они продолжают последовательность!

Лина бросилась к терминалу, записывая данные с лихора-

дочной скоростью.

– Продолжай! Отправь им что-нибудь ещё!

Ракель ввела новую последовательность – числа Фибоначчи. Один, один, два, три, пять, восемь, тринадцать.

Ответ пришёл через секунды. Двадцать один. Тридцать четыре. Пятьдесят пять.

– Они понимают, – Ракель чувствовала, как слёзы текут по щекам. – Лина, они понимают!

Но Лина не слушала. Она смотрела на боковой монитор, и её лицо было белым как мел.

– Ракель... – её голос был странно спокойным. – Посмотри на это.

Ракель подошла к монитору. На экране был график температуры – не внутри камеры, а вокруг неё. В лаборатории.

Температура росла. Не сильно – на долю градуса, – но рост был очевидным. И он следовал тому же паттерну, что и ответы из камеры.

– Они выходят, – прошептала Лина. – Они выходят из камеры.

Ракель похолодела. Термокамера была изолирована – но изоляция была рассчитана на обычные физические процессы. Если эти существа были тем, чем она их считала...

– Выключай! – закричала Лина. – Выключай всё!

Ракель бросилась к консоли и рванула аварийный рычаг. Термокамера отключилась с протяжным гудением.

Но температура в лаборатории продолжала расти.

– Уходим, – Лина схватила её за руку. – Сейчас!

Они выбежали из лаборатории, захлопнув за собой дверь. В коридоре было прохладно – нормальная температура жилых секторов станции. Ракель прижалась спиной к стене, тяжело дыша.

– Что это было? – выдохнула она.

– Контакт. – Голос Лины был мрачным. – Ты хотела контакт – ты его получила.

– Но они... они вышли из камеры...

– Они живут в тепловых градиентах. – Лина посмотрела на закрытую дверь лаборатории. – Мы создали градиент – они пришли. Как рыбы на свет. Как мотыльки на огонь.

Ракель почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Лаборатория...

– Посмотрим утром. – Лина взяла её под руку. – Сейчас нам нужно уходить. До того, как кто-нибудь заметит.

Они пробрались обратно в жилой сектор теми же техническими коридорами, которыми пришли. Станция спала – или притворялась, что спит. В тени каждого угла Ракель мерещились наблюдатели.

У двери каюты Лины они остановились.

– Данные, – сказала Ракель. – У нас есть данные. Записи ответов. Это доказательство.

– Да. – Лина кивнула. – Это доказательство. Но теперь у нас есть и кое-что ещё.

– Что?

Лина посмотрела на неё – долгим, тяжёлым взглядом.

– Теперь они знают, что мы здесь. Что мы их слышим. Что мы пытаемся говорить.

Ракель открыла рот, чтобы ответить, – но слова застряли в горле. Потому что Лина была права.

До этого момента люди были для энтропийцев просто помехой – неодушевлённым препятствием, машиной, которая отнимала их энергию. Но теперь...

Теперь они знали, что машина разумна.

И как они поступят с этим знанием – было совершенно неясно.

Утром следующего дня Ракель вернулась в лабораторию.

Она ожидала увидеть разрушения – оплавленные стены, повреждённое оборудование, следы термического воздействия. Но лаборатория выглядела нормально. Почти нормально.

Термокамера стояла на своём месте, целая и невредимая. Датчики показывали стандартную температуру. Никаких следов аномалий.

Но что-то изменилось.

Ракель не сразу поняла, что именно. Она обошла лабораторию, проверяя оборудование, просматривая записи датчиков. Всё было в норме. Всё было на месте.

И тут она увидела.

На стене рядом с термокамерой – на гладкой металлической поверхности, которая вчера была совершенно чистой – появился узор. Тонкие линии, переплетающиеся в сложную структуру. Не вытравленные, не нарисованные – скорее, проступившие изнутри, как прожилки на листе.

Ракель подошла ближе, всматриваясь.

Это был не случайный узор. Это была схема. Схема чего-то...

Она достала планшет и сфотографировала изображение. Потом открыла программу распознавания образов и загрузила фото.

Результат заставил её отступить на шаг.

Программа идентифицировала узор как схему термоядерного реактора. Не любого реактора – а конкретного. Реактора станции «Фениксборн».

Они нарисовали схему её энергетического сердца.

Что это означало? Предупреждение? Угрозу? Попытку объяснить что-то?

Ракель не знала. Но она знала, что должна показать это Лине. И научному совету. И всем, кто готов слушать.

Потому что теперь у них было не просто доказательство разумности. У них было послание.

Научный совет станции «Фениксборн» собирался в конференц-зале командного модуля – просторном помещении с

овальным столом, голографическими дисплеями и панорамным видом на звезду.

Когда Ракель вошла, большинство членов совета уже были на местах. Восемь человек – четверо мужчин и четыре женщины – сидели вокруг стола, переговариваясь вполголоса. Во главе стола располагался капитан Оконкво, рядом с ним – Элиас Вентура.

И Лина.

Ракель чуть не споткнулась, увидев её. Лина сидела в дальнем конце стола, бледная и напряжённая, но присутствующая. Как она добилась разрешения присутствовать – оставалось загадкой.

– Доктор Портман. – Оконкво указал на свободное место. – Садитесь. Вы запросили время для внепланового доклада. У вас пятнадцать минут.

Пятнадцать минут. Пятнадцать минут, чтобы изменить всё.

Ракель заняла своё место и активировала презентацию. На голографическом дисплее появился первый слайд – тепловая карта станции, испещрённая красными точками аномалий.

– Уважаемые коллеги, – начала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – То, что я собираюсь вам показать, противоречит многим нашим представлениям о природе жизни. Но я прошу вас выслушать до конца.

Следующие десять минут она говорила – о температур-

ных флуктуациях, о паттернах в инфракрасном излучении, о странных молекулах, которые менялись каждые несколько часов. Она показывала графики, диаграммы, спектры. Она объясняла свою теорию о «термофагах» – существах, живущих в градиентах энтропии.

Совет слушал молча. Лица были непроницаемыми – профессиональные маски учёных, привыкших скрывать эмоции.

Потом она показала запись вчерашнего эксперимента.

На экране возникла диаграмма температурных колебаний – простые числа, которые она отправила, и ответные последовательности, которые пришли из термокамеры.

– Два, три, пять, семь, одиннадцать, – комментировала Ракель. – Это то, что я отправила. А вот это – ответ. Тринадцать, семнадцать, девятнадцать, двадцать три. Продолжение последовательности. Математически безупречное.

Молчание. Долгое, тяжёлое молчание.

Потом заговорил Вентура.

– Доктор Портман, – его голос был вежливым, но под вежливостью скрывалась сталь. – Это весьма... творческая интерпретация данных. Но вы не учитываете очевидных альтернативных объяснений.

– Каких, например?

– Например, технических сбоев. Термокамера – сложное оборудование. Флуктуации температуры могут быть вызваны неисправностью датчиков, помехами в электросети, де-

сятками других факторов.

– Флуктуации, которые случайно складываются в последовательность простых чисел?

– Человеческий мозг склонен видеть паттерны там, где их нет. – Вентура развёл руками. – Это называется апофения. Хорошо известный феномен.

– А как вы объясните это?

Ракель переключила слайд. На экране появилась фотография узора на стене лаборатории – схема реактора станции.

– Это я обнаружила сегодня утром. На стене рядом с термокамерой. Вчера этого узора не было.

Совет зашевелился. Кто-то наклонился вперёд, вглядываясь в изображение. Кто-то нахмурился.

– Это похоже на схему нашего реактора, – произнёс один из инженеров – пожилой мужчина с седыми усами. – Откуда это взялось?

– Именно об этом я и говорю. – Ракель повернулась к нему. – Эти существа – назовём их энтропийцами – пытаются с нами коммуницировать. Они показывают нам, что понимают структуру нашей станции. Что знают, что мы здесь.

– Или это саботаж, – вмешалась женщина в форме службы безопасности – одна из помощниц Ковальски. – Кто-то мог нарисовать эту схему, чтобы подкрепить вашу... теорию.

– Зачем мне это делать?

– Не знаю. – Женщина пожала плечами. – Но это объяснение проще, чем «разумные существа в тепловом излуче-

нии».

– Проще – не значит правильное.

– Но и не значит неправильное.

Дискуссия продолжалась ещё несколько минут – по кругу, без результата. Рабель чувствовала, как уверенность покидает её. Она видела скептицизм в глазах большинства членов совета. Видела снисходительные улыбки. Видела, как её мечта рассыпается в прах.

И тогда заговорила Лина.

– Уважаемый совет, – её голос был тихим, но твёрдым. – Я понимаю ваш скептицизм. Я сама была скептиком – до того, как увидела числа Фибоначчи на расплавленной стене сектора Дельта. До того, как система Гермес начала отвечать мне странными фразами. До того, как логи моих наблюдений исчезли из базы данных станции.

– Доктор Васильева, – Оконкво поднял руку. – Вы здесь в качестве наблюдателя. Вам не было дано слово.

– Тогда дайте мне его. – Лина встала. – Дайте мне слово – и я расскажу вам то, чего не знает доктор Портман. То, что я слышала несколько дней назад в промышленном секторе.

Рабель нахмурилась. О чём говорила Лина?

– Я подслушала разговор, – продолжала Лина. – Между господином Вентурой и одним из его сотрудников. Они обсуждали аномалии. Обсуждали способы их сокрытия. Обсуждали стёртые логи и «решение», над которым работают учёные на Земле.

Молчание. На этот раз – оглушительное, шокированное молчание.

Вентура побледнел.

– Это... это ложь! – Он вскочил на ноги. – Клевета! Васильева сошла с ума, она...

– Элиас. – Голос Оконкво был ледяным. – Сядьте.

Вентура сел. Его руки дрожали.

Оконкво повернулся к Лине.

– Доктор Васильева. Вы понимаете серьёзность своих обвинений?

– Понимаю.

– Вы готовы повторить их под присягой? Перед официальной комиссией?

– Готова.

Капитан долго смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на Вентуру.

– Господин Вентура. Что вы можете сказать в своё оправдание?

– Это бред! – Вентура снова вскочил. – Измышления параноидальной женщины! Я требую...

– Вы ничего не требуете. – Оконкво встал, и его фигура, казалось, заполнила всё помещение. – Заседание совета приостановлено. Господин Вентура, вы проследуете со мной для официального разговора. Доктор Портман, доктор Васильева – вы свободны. Но оставайтесь на станции и будьте доступны для дальнейших вопросов.

Он направился к выходу. Вентура, бледный как полотно, последовал за ним.

У двери Оконкво обернулся.

– И ещё, – сказал он. – Я хочу, чтобы кто-нибудь проверил эту схему на стене. Если она действительно появилась сама по себе...

Он не закончил фразу. Не нужно было.

Они сидели в гидропонном саду – Ракель и Лина, – глядя на звёзды через прозрачный купол. Красный карлик медленно поворачивался внизу, равнодушный к драмам, развивающимся на крошечной станции у его подножия.

– Думаешь, они поверят теперь? – спросила Ракель.

– Не знаю. – Лина покачала головой. – Но они хотя бы задумаются. Хотя бы начнут расследование.

– А Вентура?

– Вентура – пешка. – Лина усмехнулась. – За ним стоит Консорциум. Триллионные инвестиции. Армия юристов и пиарщиков. Даже если его уличат – он выкрутится.

– Тогда зачем мы всё это делали?

Лина помолчала. Потом тихо произнесла:

– Потому что это было правильно. Потому что люди заслуживают знать правду. Потому что... – она посмотрела на красного карлика. – Потому что там, в этом свете, есть кто-то живой. Кто-то, кого мы убиваем, сами того не зная. И если

мы промолчим – если позволим этому продолжаться – мы станем соучастниками.

Ракель кивнула. Она понимала. Понимала лучше, чем кто-либо другой.

– Что теперь? – спросила она.

– Теперь – ждём. – Лина встала. – И готовимся. Потому что это только начало.

Она протянула руку, и Ракель пожала её – крепко, какжимают руки товарищи перед битвой.

– Вместе? – спросила Лина.

– Вместе, – ответила Ракель.

И в этот момент – на краткое, прекрасное мгновение – они обе верили, что всё будет хорошо. Что правда победит. Что разум и сострадание возобладают.

Они ещё не знали, как жестоко ошибались.

Глава 4: Каскадный отказ

Станция «Фениксборн», сектор Гамма 2187 год, 145-й день миссии, ночная смена

Сирена взревела в три часа семнадцать минут по корабельному времени – в тот мёртвый час ночи, когда сон самый глубокий, а реакции самые замедленные. Лина вскочила с кровати ещё до того, как её сознание полностью пробудилось; тело действовало на автопилоте, вбитые годами рефлексy опережали мысль.

Комбинезон. Ботинки. Коммуникатор. Три движения, отточенных до автоматизма.

– Внимание всему персоналу! – голос Гермеса прорезался сквозь вой сирены, ровный и бесстрастный, как всегда. – Аварийная ситуация в секторе Гамма. Каскадный отказ энергосистемы. Температура в жилых модулях превышает норму. Инженерным бригадам немедленно прибыть на место.

Сектор Гамма. Лина почувствовала, как холод сжимает сердце. Сектор Гамма – это восемьсот человек в жилых модулях. Семьи инженеров и техников. Дети – те немногие дети, которым разрешили остаться на станции до завершения строительства постоянных поселений.

Она выбежала в коридор, едва не столкнувшись с соседом – пожилым геологом, который ошалело моргал, пытаясь по-

нять, что происходит.

– Оставайтесь в каюте! – крикнула она на бегу. – Закройте вентиляцию, если станет жарко!

Коридоры жилого сектора Бета были полны людей – поудетых, испуганных, не понимающих. Аварийное освещение заливало всё красным светом, превращая знакомые лица в гротескные маски. Кто-то кричал. Кто-то плакал. Кто-то пытался пробиться к эвакуационным шлюзам.

Лина двигалась против потока, расталкивая встречных. Её отстранение от работы формально всё ещё действовало, но сейчас это не имело значения. Люди гибли – или вот-вот погибнут, – и она была единственным человеком на станции, который понимал, с чем они столкнулись.

Лифт до сектора Гамма был переполнен – техники в аварийных костюмах, медики с носилками, охранники с оружием. Лина втиснулась внутрь, игнорируя недовольные взгляды.

– Доктор Васильева? – молодой техник узнал её. – Вам же запрещено...

– Заткнись и слушай, – отрезала она. – Что известно о ситуации?

Техник сглотнул.

– Каскадный отказ в энергораспределительном узле Гамма-7. Перегрузка пошла по цепочке – сначала трансформаторы, потом теплообменники, потом системы охлаждения. Температура в жилых модулях поднялась до сорока градусов

и продолжает расти.

– Сорок градусов? – Лина нахмурилась. – Это ещё терпимо. Почему такая паника?

– Потому что аварийные системы не включаются. – Голос техника дрогнул. – Мы пытались активировать резервное охлаждение – ничего. Пытались перенаправить потоки из соседних секторов – ничего. Как будто что-то блокирует все наши команды.

Лина стиснула зубы. Она знала, что это за «что-то». Знала слишком хорошо.

Лифт остановился, двери разъехались – и на них обрушилась стена жара.

Это было как шагнуть в печь. Воздух был густым, тяжёлым, влажным от испарений – дыхание обжигало горло, пот мгновенно выступил на коже. Температура здесь была уже не сорок градусов – ближе к пятидесяти, может быть, выше.

– Аварийные костюмы! – скомандовала Лина. – Все, у кого есть – надевайте немедленно!

Она сама была без костюма – выбежала из каюты в одном комбинезоне. Но времени возвращаться не было.

Коридор сектора Гамма напоминал ад. Красный свет аварийного освещения смешивался с оранжевым заревом раскалённых стен. Вентиляционные решётки извергали потоки горячего воздуха вместо прохладного. По полу текли струйки конденсата – влага из систем жизнеобеспечения испарялась и оседала на более холодных поверхностях.

И люди. Люди были повсюду – выбегали из кают, спотыкались, падали. Кто-то нёс на руках детей. Кто-то тащил на себе пожилых родственников. Крики, плач, ругань – всё смешалось в один непрерывный гул отчаяния.

– Эвакуация! – кричал кто-то из охранников. – Все к шлюзам! Спокойно, без паники!

Какое там спокойно. Какое там без паники.

Лина пробиралась вперёд, к энергораспределительному узлу. Жар усиливался с каждым шагом – комбинезон прилип к телу, волосы намокли от пота, каждый вдох давался с трудом.

У входа в узел она увидела знакомую фигуру – Такэси Накамура, в полном аварийном костюме, склонившийся над консолью управления.

– Такэси!

Он обернулся, и даже сквозь затемнённый визор она увидела облегчение в его глазах.

– Лина! Слава богу! Мне нужна твоя помощь!

Она подбежала к нему, хватая ртом раскалённый воздух.

– Что происходит?

– Смотри сама. – Он указал на экран консоли.

Лина всмотрелась в данные – и почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Энергетическая схема узла Гамма-7 светилась красным. Почти вся – красным. Перегрузка шла по всем каналам одновременно, как будто кто-то нарочно направил все потоки

в одну точку. Защитные системы были отключены – не сломаны, не повреждены, а именно отключены, одна за другой, в определённой последовательности.

– Это не авария, – прошептала она. – Это атака.

– Что?

– Смотри на последовательность отключений. – Лина ткнула пальцем в экран. – Сначала первичные предохранители. Потом вторичные. Потом аварийные клапаны. Кто-то – или что-то – систематически выводит из строя все уровни защиты.

Такэси побледнел.

– Саботаж?

– Хуже. – Она повернулась к нему. – Помнишь аномалии, о которых я говорила? Те паттерны в тепловых датчиках?

– Да, но...

– Это они. Они атакуют.

Такэси открыл рот, чтобы возразить, – но в этот момент консоль взвыла новой сиреной.

– Критический уровень температуры в модуле Гамма-7-Дельта! – голос Гермеса был всё так же бесстрастен. – Эвакуация обязательна! Критический уровень...

– Гамма-7-Дельта – это детский сектор, – выдохнул Такэси.

Лина не ответила. Она уже бежала.

Детский сектор располагался в глубине жилой зоны – там, где защита от космической радиации была максимальной, где стены были толще, а системы жизнеобеспечения – надёжнее. Или должны были быть надёжнее.

Сейчас это место превратилось в печь.

Лина ворвалась внутрь, и жар обрушился на неё, как физический удар. Пятьдесят пять градусов – может быть, шестьдесят. Воздух был настолько горячим, что казался твёрдым, как стена. Дыхание обжигало лёгкие. Глаза слезились. Кожа горела.

Но она не остановилась.

Коридор был пуст – эвакуация уже началась. Но из одной из кают доносились крики – детские крики, пронзительные и отчаянные.

Лина добежала до двери и рванула её на себя. Заперто.

– Есть кто-нибудь?! – закричала она.

– Помогите! – детский голос, срывающийся на визг. – Пожалуйста, помогите! Мама не просыпается!

Лина огляделась. Рядом с дверью висел аварийный топорик – стандартное оборудование на случай разгерметизации. Она сорвала его с креплений и обрушила на замок.

Удар. Ещё удар. Ещё.

Металл поддавался медленно – размягчённый жаром, но всё ещё достаточно прочный. Пот заливал глаза, руки скользили по рукоятке. Лина чувствовала, как силы покидают её – тепловой удар подкрадывался, затуманивая сознание.

Нет. Не сейчас. Только не сейчас.

Последний удар – и замок разлетелся. Дверь распахнулась.

Внутри каюты было ещё жарче. На кровати лежала женщина – без сознания, с бледным лицом и синими губами. Рядом с ней сидела девочка лет семи, в насквозь промокшей пижаме, с глазами, полными ужаса.

– Помогите маме! – закричала девочка. – Пожалуйста!

Лина бросилась к кровати. Женщина дышала – слабо, поверхностно, но дышала. Тепловой удар. Критическая стадия.

– Как тебя зовут? – спросила она девочку, одновременно проверяя пульс матери.

– Ева. Ева Коваленко.

– Ева, слушай меня внимательно. – Лина подхватила женщину на руки – та была легкой, почти невесомой. – Мы сейчас пойдём к выходу. Ты будешь идти рядом со мной и держаться за мой комбинезон. Не отпускай ни на секунду. Поняла?

Девочка кивнула, кусая губы.

– Пошли.

Они выбрались в коридор. Жар обрушился на них снова – казалось, ещё сильнее, чем раньше. Лина чувствовала, как ноги подкашиваются, как темнеет в глазах. Но она продолжала идти – шаг за шагом, метр за метром.

Женщина на её руках была мёртвым грузом. Маленькая рука девочки вцепилась в комбинезон. Впереди – бесконеч-

ный коридор, залитый красным светом и раскалённым воздухом.

Сто метров до эвакуационного шлюза. Девяносто. Восемьдесят.

Лина споткнулась и едва не упала. Маленькая Ева вскрикнула.

– Всё хорошо, – выдохнула Лина. – Всё хорошо. Продолжаем.

Семьдесят метров. Шестьдесят.

Впереди показались фигуры – люди в аварийных костюмах, бегущие навстречу.

– Сюда! – закричал кто-то. – Здесь выжившие!

Руки подхватили её – женщину забрали, девочку подняли на руки. Кто-то накинул на Лину охлаждающее одеяло, кто-то приложил к губам флягу с водой.

– Доктор Васильева! – голос Такэси, искажённый интеркомом. – Вы живы!

– Живу, – прохрипела она. – Сколько ещё людей в секторе?

– Эвакуация почти завершена. Осталось двадцать-тридцать человек в дальних модулях.

– Температура?

– Пятьдесят восемь градусов и продолжает расти. Лина, нам нужно уходить.

– Нет. – Она оттолкнула поддерживающие руки и выпрямилась. – Нам нужно остановить это. Если температура до-

стигнет семидесяти – начнётся разрушение изоляции. Восьмидесяти – деформация несущих конструкций. Девяноста – и мы потеряем весь сектор.

– Но как? Системы управления не реагируют!

Лина посмотрела на него – долгим, тяжёлым взглядом.

– Тогда мы сделаем это вручную.

Главный теплоотвод сектора Гамма располагался в техническом модуле на внешней стороне станции – там, где гигантские радиаторные панели сбрасывали избыточное тепло в космос. Это было сердце охлаждающей системы – и именно там, судя по показаниям датчиков, концентрировалась аномальная активность.

Лина добралась туда вместе с Такэси и двумя техниками из аварийной бригады. Все были в полных защитных костюмах – без них здесь было бы невозможно выжить даже несколько минут.

Технический модуль встретил их стеной жара – даже сквозь термоизоляцию костюма Лина чувствовала, как температура давит на неё. Показатели на внутреннем дисплее визора мигали красным: шестьдесят четыре градуса снаружи. Критический уровень.

– Главная консоль там, – Такэси указал вперёд, в глубину модуля. – Если сможем добраться...

– Доберёмся, – отрезала Лина.

Они двинулись вперёд, шаг за шагом. Пол под ногами был горячим – даже через подошвы ботинок Лина ощущала жар. Стены мерцали странным красноватым светом – не от аварийного освещения, а от раскалённого металла.

И тогда она это увидела.

Узоры. Те самые узоры – ветвящиеся линии, расходящиеся от центра, как нервная сеть или корневая система. Они покрывали стены модуля, пульсируя багровым светом. Они были живыми – Лина видела, как они двигаются, расширяются, проникают всё глубже в структуру станции.

– Господи... – выдохнул один из техников. – Что это за хрень?!

– Не останавливайтесь, – приказала Лина. – К консоли. Быстро.

Они добрались до главной консоли управления – массивного терминала в центре модуля, окружённого мигающими индикаторами и потоками данных. Лина склонилась над экраном, её пальцы заплясали по клавишам.

Система была заблокирована. Все команды отклонялись, все протоколы игнорировались. Что-то – те самые узоры на стенах – проникло в электронику и взяло её под контроль.

– Чёрт! – Лина ударила кулаком по консоли. – Они блокируют всё!

– Может, попробовать ручное управление? – предложил Такэси.

– Где оно?

Он указал на боковую панель – ряд механических рычагов и вентилей, архаичная резервная система на случай полного отказа электроники.

Лина бросилась туда. Первый рычаг – клапан аварийного сброса давления. Она потянула его на себя.

Ничего.

Рычаг не двигался. Как будто кто-то – или что-то – держал его с другой стороны.

– Помоги! – крикнула она Такэси.

Они навалились вдвоём. Металл скрипел, протестовал, но постепенно поддавался. Миллиметр за миллиметром, сантиметр за сантиметром.

И вдруг – прорыв. Рычаг резко сдвинулся, и где-то в глубине станции что-то загрохотало. Клапаны открылись, и поток перегретого пара устремился в космос, унося с собой избыточное тепло.

– Получилось! – закричал один из техников.

Но Лина уже перешла к следующему рычагу. Аварийный теплообменник. Резервные насосы. Вторичный контур охлаждения.

Один за другим она активировала резервные системы – вручную, силой, буквально вырывая контроль из невидимых рук, которые пытались удержать станцию в объятиях жара.

Температура начала падать. Медленно, неохотно, но падала.

Шестьдесят два градуса. Шестьдесят. Пятьдесят восемь.

– Стабилизируется, – выдохнул Такэси, глядя на показатели. – Лина, ты сделала это!

Но она не слушала. Она смотрела на стены – на узоры, которые всё ещё пульсировали багровым светом. Они не исчезли. Они просто... отступили. Затаились.

Как хищник, выжидающий момент для новой атаки.

К утру температура в секторе Гамма стабилизировалась на отметке тридцать два градуса – выше нормы, но уже не смертельно. Эвакуированные жители постепенно возвращались в свои каюты, медики обрабатывали пострадавших от теплового удара, инженеры проверяли системы на предмет повреждений.

Лина сидела в аварийном центре сектора, обёрнутая охлаждающим одеялом, с флягой воды в руках. Она выпила уже три литра, но жажда всё равно не отступала – организм требовал влаги после нескольких часов в адском пекле.

Двери центра открылись, и вошёл капитан Оконкво. Его лицо было мрачным, глаза – усталыми.

– Доктор Васильева.

Она встала, чувствуя, как протестуют измученные мышцы.

– Капитан.

– Вы были отстранены от работы. – Его голос был ровным, без эмоций. – Вам было запрещено покидать жилой сектор

без разрешения.

– Да.

– И тем не менее вы оказались в эпицентре аварии. Спасли троих людей. Вручную стабилизировали охлаждающую систему.

– Да.

Оконкво долго смотрел на неё. Потом медленно кивнул.

– Ваше отстранение отменено. Приступайте к работе немедленно.

Лина почувствовала, как тяжесть падает с плеч.

– Спасибо, капитан.

– Не благодарите. – Он повернулся к двери, но остановился. – Доктор Васильева... Те узоры на стенах технического модуля. Вы их видели?

– Видела.

– Что это?

Лина помолчала, подбирая слова.

– Это то, о чём я пыталась вам рассказать. То, что живёт в тепловых потоках звезды. Они... – она сглотнула. – Они пришли.

Оконкво молчал долгую минуту. Его лицо было непроницаемым, но в глазах Лина увидела что-то новое. Не страх – капитаны военного флота не боятся. Но, возможно, понимание.

– Соберите все данные, – сказал он наконец. – Всё, что у вас есть. Все доказательства. Я хочу увидеть полную карти-

ну.

– Да, капитан.

Он вышел. Дверь закрылась за ним с тихим шипением.

Лина откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Она выиграла раунд – убедила Оконкво, что угроза реальна. Но война только начиналась.

И она не была уверена, что человечество способно её выиграть.

Следующие двенадцать часов Лина провела в анализе данных. Она собрала всё, что было доступно: логи энергосистем, записи датчиков, видео с камер наблюдения, показания свидетелей. Такэси и двое техников помогали ей, обрабатывая информацию, строя графики и модели.

Картина, которая складывалась, была пугающей.

Каскадный отказ не был случайностью. Он был спланирован – или, точнее, организован. Кто-то – или что-то – систематически выводил из строя защитные системы, одну за другой, в определённой последовательности. Сначала датчики перегрева – чтобы аварийные протоколы не сработали вовремя. Потом предохранители – чтобы перегрузка пошла по цепочке. Потом аварийные клапаны – чтобы сброс тепла стал невозможен.

Это была не атака хаотичной силы. Это была осада – методичная, терпеливая, безжалостная.

– Смотри на это, – Лина указала на график энергопотоков. – Видишь паттерн?

Такэси склонился над экраном.

– Колебания... Они следуют определённом ритму.

– Не просто ритму. – Лина увеличила изображение. – Это последовательность простых чисел. Два импульса, пауза, три импульса, пауза, пять, семь, одиннадцать...

– Как в эксперименте Ракель?

– Точно. Они используют тот же код. – Лина откинулась на спинку кресла. – Они пытаются с нами говорить.

– Станный способ начать диалог – чуть не убить восемьсот человек.

– Для них это не атака. – Лина покачала головой. – Вспомни, что мы знаем о них. Они живут в хаосе, в процессах увеличения энтропии. Для них жар – это не угроза, а комфортная среда. Они пытаются... – она помолчала, подбирая слова. – Они пытаются сделать нашу станцию пригодной для своей жизни.

– Терраформирование наоборот, – произнёс Такэси.

– Именно.

Они помолчали, глядя на экраны с данными. Где-то за стенами станции тусклый красный карлик продолжал свою вечную пляску – выбрасывая в космос потоки энергии, в которых зародилась столь странная форма жизни.

– Что нам делать? – спросил Такэси наконец.

– Не знаю, – честно ответила Лина. – Но первый шаг –

понять, чего они хотят. И для этого нам нужно научиться с ними разговаривать.

Совещание в командном центре началось в шестнадцать ноль-ноль по корабельному времени. Присутствовали все ключевые фигуры станции: капитан Оконкво, командер Ковальска, Элиас Вентура (всё ещё на свободе, несмотря на обвинения Лины), главы основных отделов, представители научного совета.

И Лина.

Она стояла перед большим голографическим экраном, на котором медленно вращалась трёхмерная модель станции – испещрённая красными точками аномалий, пронизанная светящимися линиями энергетических потоков.

– То, что произошло прошлой ночью, – начала она, – не было технической аварией. Это была атака.

Ропот прокатился по залу. Кто-то возмущённо фыркнул. Кто-то скептически покачал головой.

– Атака кого? – спросил Вентура. Его голос был вкрадчивым, почти дружелюбным. – Марсианских террористов? Пришельцев из другой галактики?

– Существ, которые живут в тепловом излучении звезды, – спокойно ответила Лина. – Мы называем их энтропийцами.

На этот раз молчание было оглушительным.

– Доктор Васильева, – Оконкво поднял руку, предупреждая возражения. – Продолжайте. Изложите вашу теорию... и ваши доказательства.

Следующий час Лина говорила. Она показывала данные – температурные флуктуации, следующие математическим паттернам. Демонстрировала записи эксперимента Ракель – обмен последовательностями простых чисел. Выводила на экран фотографии узоров на стенах – схему реактора, появившуюся после контакта. Анализировала логи каскадного отказа – систематическое отключение защитных систем в определённой последовательности.

Она говорила о термодинамике жизни – о том, как самоорганизующиеся структуры могут возникать в потоках энергии. О диссипативных системах Пригожина. Об информации, закодированной в тепловых градиентах.

И она говорила о геноциде – о том, как звёздные коллекторы станции ежедневно уничтожают миллионы этих существ, отнимая у них энергию, которая была их средой обитания.

Когда она закончила, в зале царил тишина.

Первым заговорил Вентура.

– Это самая... творческая интерпретация данных, которую я когда-либо слышал. – Он встал, обращаясь к залу. – Коллеги, давайте будем реалистами. То, что описывает доктор Васильева, – это научная фантастика. Жизнь в тепловом излучении? Разумные существа из чистой энергии? – Он покачал головой. – Нет никаких научных оснований для подоб-

ных утверждений.

– Тогда как вы объясните данные? – спросила Лина.

– Технические сбои. Программные ошибки. Возможно – саботаж. – Вентура повернулся к Ковальске. – Коммандер, вы ведь уже ведёте расследование?

Ковальска кивнула. Её лицо было непроницаемым.

– Мы проверяем несколько версий. В том числе – возможность преднамеренного саботажа.

– Саботажа? – Лина развернулась к ней. – Кто, по-вашему, мог это сделать? Кто способен одновременно контролировать десятки систем, обходить все протоколы безопасности, вносить изменения в структуру металла на молекулярном уровне?

– Это мы и пытаемся выяснить. – Голос Ковальски был холодным. – У нас есть несколько подозреваемых.

– Подозреваемых?

– Группа техников из сектора Дельта. Они выражали недовольство условиями работы. Устраивали протесты. Требовали пересмотра контрактов.

Лина почувствовала, как гнев вспыхивает в груди.

– Вы обвиняете рабочих в том, что чуть не погибло восемьсот человек? На основании чего – того, что они жаловались на условия труда?

– Это одна из версий, – спокойно ответила Ковальска. – Мы проверяем все.

– А версию о разумных существах в тепловом излучении

вы, конечно, не рассматриваете?

– Нет. – Ковальска посмотрела на неё. – Не рассматриваем.

Лина хотела ответить, но Оконкво поднял руку.

– Достаточно. – Его голос был тяжёлым, усталым. – Доктор Васильева, я ценю вашу работу и ваши... теории. Но в данный момент у нас недостаточно данных для определённых выводов. – Он повернулся к залу. – Мы продолжим расследование по всем направлениям. Инженерная служба усилит мониторинг энергосистем. Служба безопасности проверит версию саботажа. Научный отдел... – он помедлил. – Научный отдел изучит теорию доктора Васильевой. Без предубеждения.

Последние слова были обращены к Вентуре. Тот поджал губы, но промолчал.

– Совещание окончено, – объявил Оконкво. – Все свободны.

Лина вышла из командного центра с тяжёлым сердцем. Она сделала всё, что могла, – представила данные, изложила теорию, ответила на вопросы. Но она видела скептицизм в глазах большинства присутствующих. Видела, как Вентура улыбаётся – самодовольно, снисходительно. Видела, как Ковальска что-то записывает в планшет – наверняка очередные подозрения в её адрес.

Они не верили. Не хотели верить. Потому что правда была слишком страшной, слишком непостижимой, слишком неудобной.

– Лина!

Она обернулась. Ракель Портман бежала к ней по коридору, её светлые волосы растрепались, глаза горели возбуждением.

– Ракель? Что случилось?

– Я нашла кое-что! – Ракель схватила её за руку и потянула в сторону, подальше от любопытных глаз. – В данных с коллекторов. Ты должна это видеть!

Они укрылись в пустой переговорной – маленькой комнате с круглым столом и голографическим экраном. Ракель активировала свой планшет и вывела данные на большой дисплей.

– Смотри, – она указала на график. – Это энергетический выход коллекторных панелей за последние три месяца. Видишь тенденцию?

Лина всмотрелась в данные. Линия графика шла вниз – медленно, но неуклонно.

– Эффективность падает, – произнесла она. – На сколько?

– На двенадцать процентов за три месяца. – Ракель переключила слайд. – А теперь смотри на это. Это данные о температурных аномалиях – те самые, которые ты обнаружила. Видишь корреляцию?

Лина увидела. Два графика – эффективность коллекто-

ров и интенсивность аномалий – были почти зеркальными отражениями друг друга. Когда аномалии усиливались, эффективность падала. Когда аномалии ослабевали, эффективность восстанавливалась.

– Они связаны, – прошептала она. – Они...

– Они сопротивляются, – закончила Ракель. – Энтропийцы. Они не просто атакуют нашу станцию. Они защищаются от наших коллекторов. Снижают их эффективность. Уменьшают нашу способность забирать их энергию.

– Это логично. – Лина потёрла лоб. – Мы отнимаем их среду обитания. Они пытаются остановить нас.

– Но это ещё не всё. – Ракель переключила слайд снова. – Смотри на даты. Аномалии начались три месяца назад. Знаешь, что ещё произошло три месяца назад?

Лина задумалась.

– Мы... мы увеличили мощность коллекторов. Запустили новую секцию панелей.

– Точно! – Ракель возбуждённо кивнула. – Мы увеличили мощность – и они начали реагировать. Это не случайное совпадение. Это причина и следствие. Мы усилили давление на их среду обитания, и они начали давить в ответ.

Лина молча смотрела на экран. Всё складывалось – страшная, логичная картина, которую она не хотела видеть.

– Если ты права... – начала она.

– То мы развязали войну, – закончила Ракель. – Войну, о которой даже не подозревали. Войну с существами, которых

считали несуществующими.

Они стояли в молчании, глядя на графики и диаграммы. За стенами станции тускло светился красный карлик – древний, равнодушный, полный жизни, которую человечество случайно начало уничтожать.

– Нам нужно остановить коллекторы, – сказала Лина наконец. – Хотя бы временно. Снизить давление. Показать им, что мы понимаем.

– Оконкво никогда не согласится. – Ракель покачала головой. – Вентура – тем более. Для них это главный проект. Смысл существования станции.

– Тогда мы найдём другой способ. – Лина выпрямилась. – Если не можем остановить коллекторы – мы должны найти способ договориться с теми, кого они убивают.

К вечеру того же дня Лина узнала о первых арестах.

Служба безопасности задержала троих техников из сектора Дельта – тех самых, о которых говорила Ковальска. Официальное обвинение: саботаж энергосистем, угроза безопасности станции, попытка массового убийства.

Лина нашла Ковальску в коридоре службы безопасности – та как раз выходила из допросной.

– Коммандер! – Лина преградила ей дорогу. – Что вы делаете?

– Свою работу. – Голос Ковальски был ледяным. – В от-

личие от некоторых, я не трачу время на фантазии о пришельцах.

– Эти люди невиновны!

– Это решит следствие.

– Какое следствие? – Лина чувствовала, как гнев закипает внутри. – У вас нет доказательств! Только подозрения, основанные на том, что они осмелились жаловаться на условия работы!

– У нас есть достаточно оснований для задержания. – Ковальска обошла её и направилась дальше по коридору. – И я советую вам не вмешиваться, доктор Васильева. Иначе следующей в камере окажетесь вы.

Она ушла, и Лина осталась стоять в пустом коридоре, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони.

Это было безумие. Чистое, беспримесное безумие. Пока настоящая угроза таилась в стенах станции, пока энтропийцы планировали новую атаку, люди охотились на ведьм – искали виноватых среди своих, вместо того чтобы бороться с реальным врагом.

И она не могла их остановить.

Той ночью Лина не спала. Она сидела в своём кабинете, окружённая экранами и планшетами, и пыталась найти решение.

Арестованных техников она не знала лично, но навела

справки. Михаил Красников, сорок два года, специалист по системам охлаждения. Двадцать лет безупречной работы. Жена и двое детей на Земле. Анна Петрова, тридцать пять лет, инженер-электрик. Одинокая, замкнутая, преданная своему делу. Виктор Сомов, двадцать восемь лет, техник младшего разряда. Первый контракт в глубоком космосе.

Все трое были членами неформального профсоюза рабочих станции. Все трое участвовали в петиции о пересмотре условий труда – документе, который Вентура лично отклонил месяц назад. Все трое открыто критиковали руководство.

И теперь их обвиняли в преступлении, которого они не совершали.

Лина закрыла глаза, пытаясь унять головную боль. Она должна была что-то сделать. Должна была доказать их невиновность. Но как?

Стук в дверь заставил её вздрогнуть.

– Кто там?

– Такэси.

Она разблокировала замок. Накамура вошёл – бледный, с тёмными кругами под глазами, но с решимостью во взгляде.

– Я кое-что нашёл, – сказал он без предисловий. – В логах Гермеса.

– Что?

Он подошёл к её терминалу и вывел на экран массив данных.

– Смотри. Это записи команд, поступавших в энергосистему сектора Гамма в момент начала каскадного отказа. Официально все эти команды были отданы автоматикой – аварийными протоколами, которые должны были предотвратить перегрузку.

– Но?

– Но если посмотреть на временные метки... – Такэси увеличил часть экрана. – Видишь? Команды поступали с интервалом в доли секунды. Слишком быстро для автоматики. И слишком... организованно.

Лина всмотрелась в данные. Действительно, последовательность команд выглядела странно – не хаотично, как при обычном отказе, а упорядоченно. Как будто кто-то играл на клавиатуре сложную мелодию.

– И ещё кое-что, – продолжал Такэси. – Я проверил, откуда поступали эти команды. Официально – из центрального ядра Гермеса. Но на самом деле... – он помолчал. – На самом деле я не могу определить источник. Команды появляются в системе словно из ниоткуда. Без идентификаторов, без маршрутов, без истории.

– Как такое возможно?

– Невозможно. – Такэси посмотрел на неё. – Если только... если только их не генерирует что-то, что находится вне нашей системы. Что-то, что мы не можем отследить.

Лина почувствовала, как холод сжимает сердце.

– Энтропийцы.

– Похоже на то. – Такэси кивнул. – Они научились манипулировать нашей электроникой. Проникают в системы, отдают команды, и мы не можем их обнаружить.

– Это... – Лина не нашла слов. – Это меняет всё.

– Да. – Такэси выпрямился. – И это доказывает, что арестованные техники невиновны. Они физически не могли отдать эти команды – для этого потребовался бы доступ к ядру Гермеса, которого у них не было.

– Нам нужно показать это Оконкво.

– Я пытался. – Такэси покачал головой. – Его секретарь сказала, что капитан недоступен до утра. Срочные дела.

– Какие дела могут быть срочнее этого?

– Не знаю. – Такэси помолчал. – Но я думаю, что нам стоит поторопиться. У меня... нехорошее предчувствие.

Лина посмотрела на него – на усталое лицо, на напряжённые плечи, на руки, сжатые в кулаки. Такэси Накамура был не из тех, кто поддавался панике. Если он говорил о нехорошем предчувствии – значит, дела действительно были плохи.

– Что ты предлагаешь?

– Собрать всё, что у нас есть. Все данные, все доказательства. – Такэси посмотрел ей в глаза. – И быть готовыми к тому, что нам придётся действовать самим. Без разрешения. Без поддержки.

– Это мятеж.

– Это необходимость. – Его голос был тихим, но твёрдым. – Лина, если энтропийцы действительно научились

проникать в наши системы – следующая атака может быть гораздо хуже. Они могут вывести из строя системы жизнеобеспечения. Разгерметизировать отсеки. Устроить взрыв реактора. – Он помолчал. – А наше руководство тем временем охотится на саботажников, которых не существует.

Лина молчала. Слова Такэси были правдой – жестокой, неудобной правдой, от которой нельзя было отмахнуться.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Собираем данные. Готовимся к худшему. И надеемся, что худшее не произойдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.